

Геннадий Кузьминский

СЮЖЕТЫ ИЗ ПРОШЛОГО

Геннадий Кузьминский
Сюжеты из прошлого

«У Никитских ворот»

2024

УДК 82-3

ББК 84(2Рос=Рус)6.44

Кузьминский Г. А.

Сюжеты из прошлого / Г. А. Кузьминский — «У Никитских
ворот», 2024

ISBN 978-5-00246-024-3

Автор книги «Сюжеты из прошлого», Геннадий Алексеевич Кузьминский, родился и прожил большую часть своей сознательной жизни в Союзе Советских Социалистических Республик. Рос он в деревне, учился в сельской школе, после окончания мореходного училища ходил в море электромехаником. Как и все настоящие мужчины, служил в непобедимой Советской армии, после службы окончил юридический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова и был распределён на службу в МВД СССР. Работая на флоте и служа в рядах МВД, побывал во многих странах мира и посетил самые дальние уголки своей необъятной Родины. Видел, как жила большая многонациональная страна и что волновало людей той эпохи. Советского Союза нет на современных картах, но он воочию присутствует в любой точке земного шара. Везде на планете Земля он оставил свой заметный след, включая безжизненные, ледяные полюса и бесконечное космическое пространство. В умах людей память о великой стране неизгладима. Неудивительно, что воспоминания детства и юности, встречи с людьми и легли в основу произведений Геннадия Алексеевича. С большой любовью и теплотой автор пишет о своей малой родине, об односельчанах, о друзьях детства, сослуживцах и случайных знакомых. Читая его стихи и прозу, мы окунёмся в жизнь простых людей, увидим красоту и неповторимость родной природы с её удивительной сменой времён года. Узнаем, что когда-то дружба и любовь, благородство и взаимопомощь, преданность и верность были не пустыми словами, а присутствовали в повседневной жизни.

УДК 82-3

ББК 84(2Рос=Рус)6.44

ISBN 978-5-00246-024-3

© Кузьминский Г. А., 2024

© У Никитских ворот, 2024

Содержание

Об авторе	7
Сюжеты	9
Заяц	9
Пруд	13
Следопыты	16
Уроки рисования	18
Оружейники	21
Черти	29
Северное сияние	33
Гонки на выживание	36
В гостях у Мишки	44
Пароль	47
И снова погоня	49
Коммунист	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Геннадий Кузьминский

Сюжеты из прошлого. Сборник рассказов

© Кузьминский Г.А., 2024

© Оформление. Издательство «У Никитских ворот», 2024

Об авторе

Автор книги «Сюжеты из прошлого», Геннадий Алексеевич Кузьминский, родился и прожил большую часть своей сознательной жизни в Союзе Советских Социалистических Рес-

публик. Рос он в деревне, учился в сельской школе, после окончания мореходного училища ходил в море электромехаником. Как и все настоящие мужчины, служил в непобедимой Советской армии, после службы окончил юридический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова и был распределён на службу в МВД СССР. Работая на флоте и служа в рядах МВД, побывал во многих странах мира и посетил самые дальние уголки своей необъятной Родины. Видел, как жила большая многонациональная страна и что волновало людей той эпохи.

Советского Союза нет на современных картах, но он воочию присутствует в любой точке земного шара. Везде на планете Земля он оставил свой заметный след, включая безжизненные, ледяные полюса и бесконечное космическое пространство. В умах людей память о великой стране неизгладима.

Неудивительно, что воспоминания детства и юности, встречи с людьми и легли в основу произведений Геннадия Алексеевича. С большой любовью и теплотой автор пишет о своей малой родине, об односельчанах, о друзьях детства, сослуживцах и случайных знакомых. Читая его стихи и прозу, мы окунёмся в жизнь простых людей, увидим красоту и неповторимость родной природы с её удивительной сменой времён года. Узнаем, что когда-то дружба и любовь, благородство и взаимопомощь, преданность и верность были не пустыми словами, а присутствовали в повседневной жизни.

Сюжеты

Заяц

В первых числах октября погода испортилась. Установилась нехолодная, но уже далеко не летняя пора. Дни стали заметно короче, небо то становилось голубым, то приобретало серый,

тоскливый вид. Солнце то и дело пряталось за облаками и не было таким тёплым, как пару месяцев назад. Прошли ленивые, затяжные дожди, совсем не похожие на летние ливни с грозами.

*Ветер листья с берёз срывает
И несёт по дороге вдаль,
Птиц косяк за деревней таёт.
Лето кончилось... Очень жаль.*

К концу октября подморозило. Снега ещё не было, но он уже срывался с небес и напоминал о близкой зиме. Сначала шёл сырой, при плюсовой температуре. Он валил большими густыми хлопьями, покрывал тонким слоем землю, но через два дня растаял. Потом температура опустилась ниже нуля градусов, и пару раз в воздухе кружились мелкие уже сухие снежинки. Кое-где среди травы и деревьев они задержались, но это был ещё не снег, а его жалкое подобие. Земля покрылась мороженой коркой, а лужи – льдом.

Вовка шёл из школы домой и размахивал портфелем с книжками и тетрадками, перекидывая его из одной руки в другую, по лужам, которые попадались на пути, ехал на ногах, предварительно разбежавшись. Так делали и другие дети, что прошли раньше или пойдут после него. Даже две Нинки, что шли впереди, делали так же и повизгивали от восторга. Вовка катался не только по тем замёрзшим лужам, что были на тропинке, но отбегал в сторону, где лужи были больше и прокатиться по ним было интереснее. Пару раз он грохнулся так, что портфель отлетал далеко в сторону, было больно, но это его не останавливало. Его удивило то, что в одной большой луже, куда он провалился, подо льдом не оказалось воды. Вовка задумался, почему так: в одной луже подо льдом вода есть, а в другой нету?

Колька, который шёл из школы вместе с ним, был на два года старше, а значит умнее, думал Вовка и решил поинтересоваться у него. Колька также нёс школьный портфель и катался на замёрзших лужах, но только на тех, что были на тропинке или совсем рядом, воды в них не было. Он боялся провалиться, намочить обувь или испачкать одежду. Его мать всегда нещадно ругала своих детей за каждое пятнышко на одежде или обуви. Эта ругань была не столько страшна, сколько неприятна. Сделать замечание или высказать недовольство спокойным голосом она не могла, ей надо было кричать на всю вселенную и делать это довольно долго. Дети огрызались, затыкали уши, но её это только раздражало, и она продолжала ругаться, находя всё новые и новые поводы для продолжения воспитательной работы. Колька эти разборки не любил и берёг одежду, как только мог, отказываясь от игр и развлечений, в которых участвовали сверстники. Поэтому и прозвище у него было соответствующее – «Коля модный».

Колькины друзья знали об этом, и самые «лучшие и верные» из них старались ему «помочь», как говорится, «ударить в грязь лицом». Они умудрялись то подножку сделать, то руль у велосипеда ослабить, чтобы Колька упал на землю при очередном повороте, то палкой по луже ударить, чтобы брызги с грязью на его одежду попали, и всё такое. Колька возмущался, обижался, но всех это только смешило. А когда он проходил там, где можно испачкать обувь, он смотрел на заднюю часть каблука, поворачивая голову то вправо, то влево и высоко задирая ногу, почти до ягодицы. Делал это несколько раз, и могло показаться, что он пляшет.

– Коль, а Коль, а ты не знаешь, почему в одной луже подо льдом вода есть, а в другой нету, ты не знаешь? – прокричал Вовка, вставая с земли и стряхивая с себя траву, прилипшую к одежде.

– Не знаю, – отозвался Колька и направился в сторону Вовки, – я сам это заметил. Как-то провалился в лужу около дома на дороге, воды не было, а грязь на дне была. Я калоши еле вытащил. Мать потом меня валенком по спине колотила.

Колька подошёл к несчастной луже и стал внимательно её рассматривать, аккуратно взял в руки кусок льда и глядел на него, поворачивая из стороны в сторону.

– А лёд-то толстый и прозрачный... Там, где воды внизу не бывает, он чаще бывает мутный или совсем белый и непрозрачный, я это заметил, – с умным видом объяснял Колька, ведь он уже пятиклассник. – А земля-то на дне не замёрзла, смотри, сыро.

– Сыро. Хорошо я на берег выскочил, а то бы намок, – с гордостью ответил Вовка и поднял с земли портфель.

– Я думаю, – продолжал Колька, – там, где земля мягкая, вода уходит, а там, где крепкая, остаётся. Не может же она через лёд испариться?

– А как же в болоте? – задумался Вовка. – Там земля мягкая, а вода держится, не уходит...

– Сравнил тоже, – как можно важнее начал Колька, – в болото вода снизу поступает, а в лужу с неба, понимать надо!

Подошёл четвероклассник Сашка с большим новым портфелем и с довольным видом спросил:

– Ну что, искупался?

– Не радуйся, – ответил Вовка, – не искупался!

– Успел выскочить, что ли?

– И выскочить успел, и воды внизу не оказалось.

– А-а-а, – протянул Сашка. – На пруду не проваливается, а тут провалился, чудно! А вроде толстый, даже толще, чем на пруду.

– Никакого чуда, – внёс ясность Колька, – в пруду лёд вода снизу поддерживает, а тут пусто, хотя вчера Мишка со Славкой на нашем пруду провалились, добегались, по яйца искупались.

– Если бы «смятку» не делали, то и не провалились бы. Я сегодня с утра прошёл по пруду, то место уже замёрзло, потрескивает, но держит, – заключил Вовка. – А Мишка, гад такой, ещё раньше пришёл с топориком и окошко прорубил, чтобы кто-нибудь провалился, но его видно, я посмотрел. А вот река ещё не замёрзла.

– Там течение, – вставил Сашка и, бросив портфель, побежал к замёрзшей луже. Колька внимательно смотрел и гадал – провалится или нет?

Вовка быстро поднял с земли камень и положил его к Сашке в портфель. Этот камень ещё раньше он подобрал на картофельнике, что находился поблизости, хотел подсунуть его в портфель Кольке, но тот, чистюля, не выпускал его из рук. А тут всё сложилось удачно: и портфель новый, и никто не видел.

Поговорив ещё недолго, компания двинулась дальше, болтая всякие глупости и катаясь на лужицах. Договорились, что бросят портфели, поедят и с коньками придут на пруд. Решили, что надо покататься, пока лёд снегом не засыпало, а эта пора уже не за горами. Когда подошли к ручью, по берегам которого росли ивовые кусты, в простонародье называемые брядником, почти из-под носа выскочил заяц-русак и припустился наутёк. Вовке показалось, что не очень-то он торопится удирать, как кролик.

И действительно, отбежав на почтительное расстояние, беглец притаился среди кустов, прислонившись к старой корявой иве. Друзья остановились, молча посмотрели ему вслед, потом обратили внимание на только что съеденные молодые побеги брядника.

– Смотри, как ножом срезаны, – сам себе сказал Колька и показал на торчащие концы, оставшиеся от веток кустарника.

Колька стал рассказывать, что прошлой зимой зайцы, сволочи, у него в огороде обгрызли молодые яблони, которые отец посадил года два тому назад. И что интересно, жили эти длинноухие в их же сарае или под сараем. Отец ставил капканы, но не поймал. Пацаны ещё раз посмотрели в ту сторону, куда убежал заяц, и двинулись дальше. Сашка свернул в сторону и пошёл своей тропинкой, время от времени поддёргивая портфель, как бы взвешивая. Вовка ехидно улыбался.

– Большой, прямо, как наша собака, – обернувшись назад, произнёс Вовка. – Вот бы застрелить! Надо Славке сказать.

Пруд

Ближе к вечеру детвора потянулась на пруд. Другой детской площадки в это время года в деревне не было. Пришли не только мальчишки, но и девчонки. Для начала из пруда выгнали гусей, которые по привычке пришли поплавать, не понимая, что воды больше нет. Они ходили по льду, смешно падали и поднимались, скользя своими красными лапами по льду. Теперь они стояли на берегу и не уходили, гоготали и, надо думать, возмущались захвату их территории. Больше всех возмущался гусак, он вытягивал шею вверх и громко ругался на непонятном языке.

Две Нинки по очереди катали друг друга на санках, Людка просто бегала по гладкому льду и каталась на валенках, как это делали все школьники на замёрзших лужах по дороге в школу и из школы, толкала мальчишек в надежде опрокинуть кого-нибудь на лёд и посмеяться. Славка, наоборот, пытался повалить её и падал сам, да так, чтобы немного поваляться на ней. Она громко смеялась и не очень-то обижалась. Лидка прикрепил свои «Снегурки» к подшитым валенкам и рассекала на льду вместе с мальчишками, всё пыталась обогнать одноклассника Генку, который гордился своими беговыми коньками, каких ни у кого больше не было. Она часто падала и говорила, что всё дело в коньках, а катается она не хуже Генки, даже лучше, зря он «выбражает». И дистанция к тому же очень короткая, а на поворотах его коньки держат лучше. Они даже пытались поменяться коньками. Лидке удалось прокатиться на Генкиных, а вот её сапоги со «Снегурками», прикрученными к ним кожаными ремнями, Генке оказались слишком малы.

Когда на пруд пришёл Вовка Капранов, обстановка стала ещё веселее. Он организовал какое-то подобие игр, вовлекая в них всех присутствующих, сразу попытался сделать «смятку», чтобы лёд рухнул и в полынье побывали подростки, но его не поддержали. Купаться никому не

хотелось, да и лёд после провала и повторного замерзания становился неровным, бугристым и кататься по нему было не так приятно.

Тем, кто был без коньков, Вовка рекомендовал снять с валенок галоши, намочить подошвы в воде, которая сочилась из Мишкиной прорубилоушки, и походить по снегу. Снег прилипнет к сырым валенкам, замёрзнет, и получатся ледяные подошвы лучше коньков. Кое-кто последовал его совету.

Ему не нравилось, как развлекаются Нинки. Как-то осторожно и медленно катаются, таская санки за верёвку. Отобрав у одной из них верёвку, он стал показывать, как надо: разгонял санки с седоком, делал резкий разворот и с силой дёргал санки на себя. Если санки вместе с седоком не переворачивались, то значит – не получилось. А вот когда они кувыркались вместе с седоком или седок из них вываливался под действием центробежной силы, было хорошо и правильно. Ему доставляло удовольствие смотреть, как девчонка, уже без санок, лёжа скользила по льду по инерции и врезалась в берег или в кого-нибудь, сбивая того с ног. Он хотел бы искупать хотя бы одну из них в Мишкиной проруби, но было страшно потом иметь дело с их отцами, которые были довольно злыми мужиками, – могли бы и поколотить.

Покатав девчонок, Вовка придумал аттракцион для всех желающих: кто удержится в санках, тот получит звание Героя Советского Союза и право прокатиться ещё раз вне очереди. Большинство кувыркались, но кому-то с трудом удавалось усидеть. Дошла очередь до Пашки. Он был старше других и к санкам не торопился. Первый раз Вовка прокатил его как-то не очень сильно и тот усидел. Второй раз он разогнал санки с Пашкой посильнее, да так чтобы разворот пришёлся на Мишкину прорубь. Попытка удалась, и Пашка вместе с санками оказался в воде. Вовка стал возмущаться, удивлялся, что так получилось, и он совсем не виноват: «Это всё Мишка, да и темно уже!» Все радовались и смеялись, а Пашка выполз из проруби на лёд и с присущим только ему рёвом ругал Вовку на чём белый свет стоит. Не переставая ругаться, вылил из сапог воду и с тем же рёвом пошёл к своему дому, который был почти рядом. Через каждые десять шагов он оглядывался, называл Вовку каким-нибудь ругательным словом и в очередной раз вытирал рукавом соплю.

Через несколько минут на улице появилась Пашкина мать и заголосила своим писклявым противным голосом. Она ругала Вовку, но её слова были адресованы, скорее, не ему, а соседям и другим жителям деревни, которые могли её услышать. Все знали, что говорить что-либо Вовке бесполезно. Она причитала, что этот балбес «вырос до потолка», а ума нету.

– Другие делом заняты, а он всё с ребятишками играет. Скорее бы его в армию забрали и уму-разуму научили. В армии не забалуешь, там проучат! И в деревне без него спокойнее станет. А то никому от него покоя нет, ребёнок утопил, или в милицию надо заявить, – и всё такое.

Вовка вытащил санки из проруби и на крики Пашкиной матери внимания не обращал. Кататься на санках больше никто не хотел. Вскоре совсем стемнело, и народ стал расходиться по домам.

На следующий день история повторилась. Детвора собралась на пруду и занялась своим обычным делом. Одни катались по гладкому льду, а другие делали «смят-ку». В гости к Генкиной бабушке приехал его старший брат Анатолий и резвился со всеми вместе, хотя был значительно старше многих. Он рассекал по пруду на маленьких железных санках, сделанных в кузнице и неизвестно откуда взявшихся, отталкиваясь палками с вбитыми в торцы гвоздями. Он был тяжелее детворы, и шансов провалиться у него было больше. Некоторые уже перестали делать «смятку» и стояли в сторонке на крепком месте или вообще вышли на берег. По льду продолжали бегать лишь самые отчаянные.

Анатолий лихо проскакивал те места, где лёд уже ходил ходуном, и не проваливался. Он всем предлагал прокатиться вместе с ним, но желающих не было. Согласился только Генка. Он уселся у брата между ног, и они на зависть другим поехали. Лёд под ними потрескивал и

образовывал волну, но один круг они проехали лихо. На втором круге что-то пошло не так, и они рухнули у самого высокого берега. Санки пошли на дно, Генка провалился «по шейку» и барахтался, пытаясь вылезти на берег, но соскальзывал в воду поскольку зацепиться на крутом берегу было не за что. Только стоял на дне в воде по грудь. Видя Генкины потуги выбраться из воды, стал его подталкивать под задницу вверх. Это помогло, и Генка вскоре оказался на берегу, а вслед за ним и Анатолий. Всем было очень весело, случилось то, чего все ожидали, но не знали с кем это произойдёт. И вот свершилось, пора смеяться и радоваться, что в воде оказались другие.

– Бежим! – скомандовал Анатолий, и братья вприпрыжку пустились вокруг дома на задний двор. Забежали в омшаник – в семье его почему-то называли «овшаник», видимо, легче произносится – и стали раздеваться. Внутри было совсем нехолодно, он срублен из целого дерева, утеплён и ветра нет. Разулись, сняли штаны и трусы и стали выкручивать, выжимая воду. Переминались с ноги на ногу и смеялись, вспоминая подробности купания. Дверь внезапно отворилась и через порог переступила их бабушка с верёвкой в руках. Первый удар получил по голым ногам Анатолий.

– Быстро на печку! – совсем без злости произнесла бабушка и, для придания скорости, хлестнула ещё раз.

Только схватил трусы и ринулся в дверь, Генка за ним, но бабушка успела врезать верёвкой по ногам и ему. В избе, как было приказано, забрались на печку. Вслед за ними вошла и бабушка с верёвкой.

– Снимайте всё мокрое, – бросила на голбец верёвку бабушка, – сейчас сухое дам.

Нашла нужную одежду и подала братьям, те сидели на тёплой печке и улыбались.

– Нормально прокатились! – обращаясь к Генке, произнёс брат.

– Здорово! – согласился Генка.

– Толик, ладно Генка взбалмошный, а ты уже большой, – начала воспитательную работу бабушка, – неужели не видно было, что рухнете? Я из окна всё видела. А на двор зачем побежали? Простудиться захотели? Мало я вас верёвкой отходила, да ничего другого под руку не попало. Давайте свою мокрятину, выжму да сушиться повешу. Если заболете, смотрите у меня!

– Не, ба, не заболеем, мы быстро выскочили, даже промокнуть не успели, – оправдывался старший.

– Я видела, как быстро. Это вы на двор бежали быстро! – забрав мокрую одежду, произнесла бабушка и вышла вон.

Морозная солнечная почти безветренная погода стояла ещё несколько дней. Детвора продолжала развлекаться, в том числе и на льду, а взрослые спешили завершить свои дела, пока сухо и снег не мешает. Но однажды ближе к вечеру на небе появились облака, подул противный ветер, поднимая дорожную пыль и обжигая лицо. Народ поголовно надел валенки, шапки-ушанки и рукавицы. Дым из печных труб метался из стороны в сторону, а не стоял столбом, как в предыдущие дни. Утром вся земля оказалась покрыта сплошным слоем пушистого снега, в этот год он где-то задержался. Стало светлее, белизна радовала глаз, в голубые прогалины на небе проглядывало солнце. Зима, которую уже давно ждали, пришла. А ещё через пару дней всё засыпало по-настоящему густым снегом.

Следопыты

Колька взял портфель подмышку и пошёл, не поднимая ног, по пушистому снегу, выпавшему минувшей ночью. Ему нравилось смотреть, как снег, словно пух, разлетается в разные стороны. Вовка ждал Кольку под окнами своего дома и тоже развлекался со снегом, бегая взад-вперёд, словно по воде. Они встретились и, не сказав ни слова, пошли вдоль домов, где до них уже кто-то оставил свежий след. Радостное настроение от выпавшего снега омрачалось мыслями о школе. Надо сидеть на уроках, решать всякие задачки, отвечать на вопросы учителей, писать в тетрадках и, что самое противное, записывать в дневник домашнее задание. Колька дневник ещё коекак вёл, а у Вовки даже расписание уроков записывалось не на каждую неделю. Зачем писать, если расписание не меняется, рассудил он. Делать домашние задания он также привычки не имел. Обладая хорошей памятью и природной сообразительностью, устно отвечал, вытаскивая из памяти то, что говорил учитель на прошлом уроке, или ловил подсказки из класса. Письменные задания списывал перед уроком у одноклассников, если успевал. Читал, правда, на пятёрку.

– Меня подождите! – вдруг услышали ребята Ваську. Он увидел из окна, как мимо прошли Колька и Вовка, впопыхах надел пальто и шапку, схватил портфель с учебниками на вчерашний день и бросился догонять друзей, громко хлопнув входной дверью, которая была вся перекошена и как следует не закрывалась.

Выйдя за деревню, подростки выстроились друг за другом и пошли по тропинке, которая была уже основательно протоптана. Дойдя до ручья, Вовка остановился и, показывая следы на снегу, обратился к Кольке:

– Смотри, заяц снова бегал, и не один. Смотри, сколько натоптали, и снова кусты грызли!

– Живёт он здесь, – с умным видом сказал Колька. – Вовка Капранов знает этого зайца, он к нему «во стадо» не один раз приходил, он с ним даже разговаривал, он сам говорил, честное слово.

– Да-а? – протянул Васька, – а я не слышал.

– Ты много чего не слышал, – гордо произнёс Вовка и двинулся дальше.

– А откуда ты знаешь, что это заяц бегал? – снова заговорил Васька.

– А оттуда, что мы с Колькой этого зайца раньше видели. И следы заячьи, не видишь, что ли? – не оборачиваясь, ответил Вовка.

– А может, это собака или лиса бегала? – не унимался Васька. Он всегда любил задавать вопросы, порой очень странные.

– Какая собака? – не соглашался Вовка. – Сам ты лиса! Следы-то заячьи, не видишь, что ли? Спроси у Кольки, если мне не веришь. А ты вообще-то в следах хоть немного разбираешься? Ты коровий след от лошадиного копыта отличить сможешь? Для тебя, что собачий след, что кошачий, всё одно, темнота деревенская!

– Сам темнота! Колька, правда, что ли, «заец» бегал? – последовал Васька Вовкиному совету.

– Конечно, заяц, – ответил Колька. – Заячьи следы ни с какими не спутаешь.

– А мне потом покажешь? – успокоился Васька и замолчал.

– Покажу, – согласился Колька, – кстати, вот они. Здесь заяц пробежал сначала в одну сторону, а потом в обратную.

Ребята замолчали и ускорили шаг, до начала занятий оставалось совсем немного времени, а Вовке ещё надо было успеть списать арифметику, которая будет первым уроком.

Уроки рисования

В школе было как-то необычно тихо. Мало шума и беготни. Видимо, некоторые ученики не пришли на занятия из-за выпавшего снега и непроторённых ещё дорог. Сосед Генки по парте Колька Киселёв тоже не пришёл. Он жил в небольшой деревне в полутора километрах от школы, идти по снегу не захотел. Ваську это обстоятельство обрадовало, и он попросился к Генке за парту. На первом уроке, где они решали примеры и задачку, он в Генкину тетрадь смотрел чаще, чем в свою, для чего ему приходилось ёрзать на парте и вытягивать шею. Колька не пришёл и на второй урок, и Васька уговорил Генку поменяться местами, чтобы он сидел слева и ему было легче заглядывать в чужую тетрадь. День у Васьки удался: по арифметике он сделал всё почти без ошибок и получил четвёрку. С русским языком оказалось всё сложнее, как он ни старался смотреть в чужую тетрадь, больше тройки с минусом не заработал.

Последним был урок рисования. Ваське и тут, можно сказать, повезло. У Генки была коробочка с двадцатью четырьмя цветными карандашами, которыми Васька, конечно, воспользуется и что-нибудь нарисует. Но учительница принесла в класс чучело вороны, позаимствовав его в шкафу с наглядными пособиями. Для рисования этой птицы цветные карандаши не нужны, можно обойтись обыкновенным простым, разве что чёрный пригодится. Но у Васьки не было, ни того, ни другого. Учительница поставила ворону на стол и сказала, чтобы рисовали, кто как умеет.

Васька выбрал чёрный карандаш, а Генка достал из пенала простой. Дети принялись за работу, время от времени заглядывая в альбомы одноклассников, сидящих за соседними партами. Прошло пол-урока. Васька посмотрел в Генкин альбом и начал восхищаться увиденным там рисунком:

– Вот это да! Вот так здорово! Прямо, как живая! Ты её даже на ветку посадил. Здоровская у тебя ворона получилась!.. А у меня? – неожиданно спросил Васька и показал Генке свой рисунок.

Генка посмотрел на Васькину ворону, и лицо его искривилось в гримасе.

– Плохо. Фигня какая-то! Если бы я не знал, что это птица, то ни за что не догадался бы.

– Тогда и у тебя плохая! – моментально отреагировал Васька и убрал альбом себе под нос.

Васька надулся, замолчал и принялся дорисовывать ворону, из-за чего её тело стало напоминать старинный чугунный угольный утюг, а клюв стал похож на хобот. Через пару минут он снова обратился к соседу по парте и попросил заточить бритвой, что лежала в пенале у Генки, чёрный карандаш.

– Ноги дорисую, – сказал он, – они у неё чёрного цвета.

– Давай заточу, – взяв из рук Васьки карандаш, согласился Генка. – Только у вороны не ноги, а лапы.

– Если она ими ходит, а не летает, значит, ноги, – глядя на то, как Генка затачивает карандаш, не согласился Васька.

Получив заточенный карандаш, Васька начал дорисовывать вороне «ноги», которые получились как два маленьких столбика.

– Ну, как? – забыв обиду, спросил он.

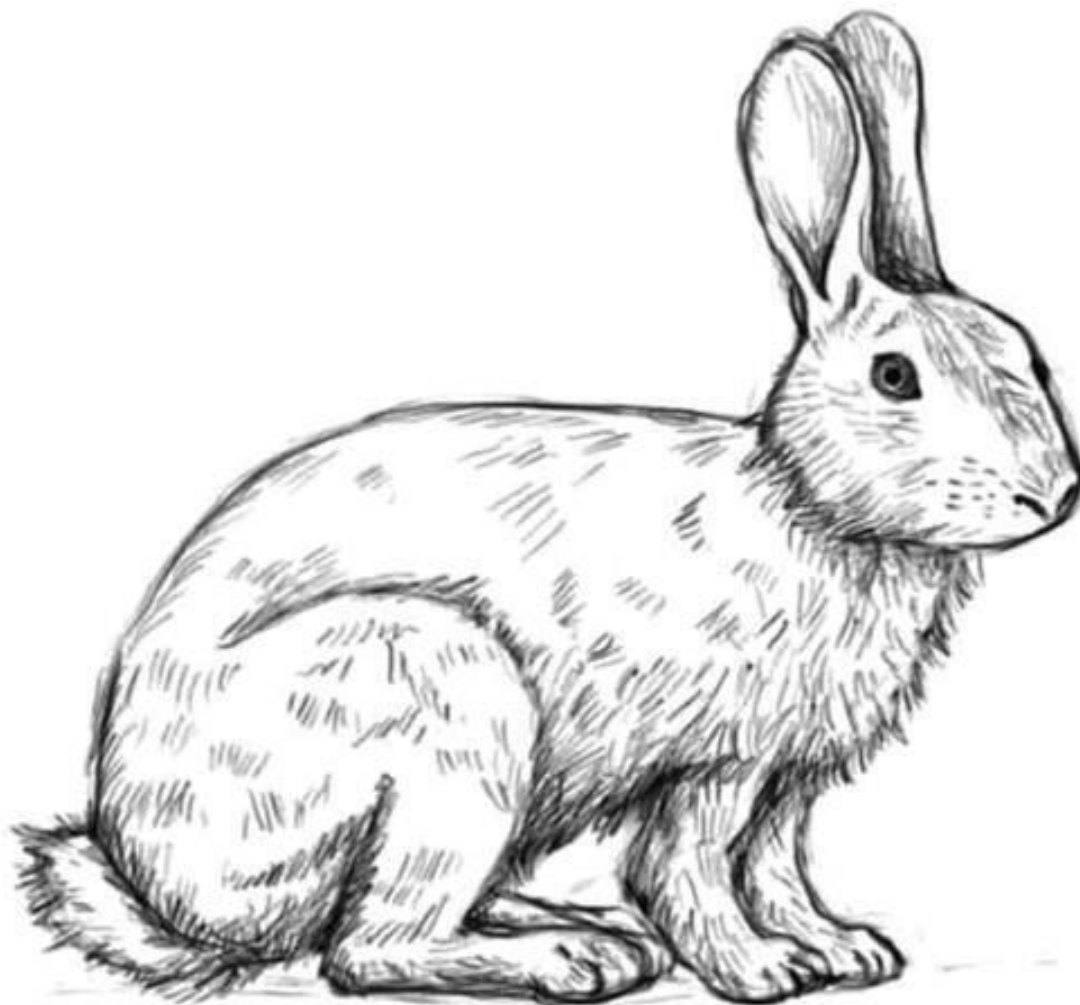
– Отлично! – смеясь, сказал Генка. – С таких ног её и палкой не спибиёшь!

Учительница прошла по классу, посмотрела на рисунки, осталась довольна и сказала, что на следующем уроке будем рисовать зайца.

– Генка, а ты зайцев рисовать умеешь? – осведомился Васька.

– Умею, – ответил Генка и начал листать свой альбом. Найдя нужный рисунок, показал его Ваське. – Вот, смотри!

Тот сначала похвалил рисунок, а потом начал просить срисовать зайца. Генка не понял, как Васька собирается срисовывать, но пододвинул альбом с рисунком зайца поближе к «художнику», и тот принялся за дело. Генка сначала смотрел, как Васька пытается нарисовать в своём альбоме что-то похожее на зайца, но его терпения хватило ненадолго.

– Дай сюда! – сказал он и почти вырвал альбом у Васьки из рук, быстро нарисовал примерный силуэт зайца и придвинул альбом обратно. – На, лапы потом дорисуешь. Урок закончился, айда домой!

Прошла неделя. На следующем уроке рисования учительница действительно попросила нарисовать зайца по памяти, кто как его себе представляет. В этот раз Васька сидел за партой впереди Генки, и Генка из-за Васькиной спины мог видеть, как тот творил шедевр. С головой, ушами, усами, туловищем и задними ногами, что успел нарисовать на прошлом уроке Генка, было более или менее приемлемо. Даже глаз был похож на глаз, хотя был нарисован Васькой не на том месте. А вот хвост у зайца был от лошади. Больше всего Генку удивили передние лапы: они напоминали растопыренные в стороны руки, только тоненькие, как веточки дерева, а на концах по пять «пальцев». Генке удалось их посчитать. Эти «пальцы» были в виде обрезанных сучьев на этой самой ветке. Генка про себя похихикал, но ничего не сказал. В конце урока учительница напомнила, что на следующих уроках они будут учиться рисовать снеговика и

новогоднюю ёлку, просила не забывать цветные карандаши, «чтобы не просить их у Нины и Гены».

Оружейники

Зима, как и следовало ожидать, брала своё. Лёд на ПРУДУ засыпало снегом, оставалась небольшая площадка посередине. Засыпать снегом пруд начинало от берегов. Первый снег со льда сдувало ветром, и он задерживался только вдоль кромки. Самые активные мальчишки расчищали деревянными лопатами остатки голого льда, особенно там, где была установлена «карусель». Так называли простое устройство на льду для развлечения. Всё просто. В лёд вмораживался кол так, чтобы нижний конец упирался в дно пруда, а верхний возвышался над поверхностью льда. На этот торчащий конец через отверстие надевалась длинная слега так, чтобы один конец был короткий, не больше метра, а другой длинный. К длинному концу крепились санки. Один человек садился в эти санки, а другие раскручивали слегу вокруг опоры. Скорость на конце была немаленькая. Задача состояла в том, чтобы удержаться в санках. По мере разгона и под действием инерции санки разворачивало, они ехали боком, задевали какую-нибудь неровность и переворачивались, сидок летел кубарем. Чтобы не привязывать санки, за слегу можно было держаться руками. И в том, и в другом случае удержаться было нелегко. Вот это пространство с каруселью было ещё пригодно для развлечений, но и здесь голого льда не было, а был лишь плотно утоптаный снег. Детвора сменила коньки на лыжи.

Лыжи были в каждом доме. По мере установления тихой погоды в округе появлялись проторённые лыжни, по которым ездили по делам, в школу, просто покататься или потренироваться. Мальчишки любили ездить на горку, чтобы прокатиться с ветерком и сломать лыжи, а также в лес, там нет ветра, теплее, можно увидеть живое существо, зверька или птицу, «почитать» следы, оставленные на снегу. У костра можно просто погреться, испечь картошку, поджарить кусок хлеба, нанизав на прутик.

Вовка Капранов любил возглавить такие прогулки, с ним было интересно. Он мог придумать или рассказать такое, чего нигде не увидишь, не услышишь и не прочитаешь. На лыжах он стоял уверенно, по целине шёл всегда впереди, с горки тоже съезжал первым. За рекой, в ближнем лесу, он облюбовал полянку, где было некое пространство около упавшей толстой осины. Тонкие ветки дерева обламывали и жгли на костре, а толстые ветви и ствол выполняли роль стола и скамеек. Рядом стояли две развесистые ели. Однажды Вовка пришёл с топором, обрубил их нижние лапы, и получилось некое подобие крыши. Когда шёл снег, под ёлками можно находиться, как под большим естественным зонтом.

Под окнами дома у Капранова собралось несколько человек. Шутили, разговаривали, смеялись, рассматривали друг у друга лыжи, палки и другое снаряжение.

Вышел улыбающийся Вовка, надел свои лыжи, пристегнув их к валенкам ремешками, а не привязав верёвками, как большинство пацанов, и скомандовал:

– Становись гуськом за мной и – айда! Не отставать!

Лыжню в последние дни присыпало снегом, но она была хорошо заметна. Вовка двигался большими шагами и с силой помогал себе палками. У большинства ребят палки были самодельные, у Васьки даже без колец, а у Вовки они были бамбуковые. Где он их раздобыл неизвестно, но на то он и Капранов: либо украл, либо выменял на безделушку. Как только прибыли на поляну, ребята сняли лыжи и воткнули их в сугроб, чтобы не мешали. Вовка приказал утоптать вокруг кострища недавно выпавший снег, потом послал всех за дровами, приказав брать только сухостой, спросил, у кого есть нож.

– У меня есть! – с гордостью ответил Генка и показал всем шестиприборный перочинный нож, на местном наречии – «складешок», украденный им ещё в первом классе у Лёшки Горелова.

– Ну-ка, покажи, – протянул руку Капранов.

Немного помешкав, Генка положил нож в открытую ладонь и мысленно уже простился со своей добычей. Вовка покрутил складешок в руках, открыл оба лезвия, шило, штопор, отвёртку с открывашкой для бутылок и кривой резак для вскрытия консервных банок, попробовал остриё лезвия.

– Где взял? – как будто догадавшись о происхождении ножа, спросил Вовка.

– Дядя Боря в Заозерье купил, – ответил Генка, зная, что в этом случае присвоить предмет Капранов не посмеет, опасно для здоровья.

– Молодец! – сказал Вовка, нож, видимо, ему понравился. – Иди лубков нарежь вон с той берёзы.

Все разбрелись по сторонам, а Вовка принялся ногами разгрести место для костра. Вскоре мальчишки стали снова собираться у кострища, неся кто волоком, кто в руках сухие

дрова. Вовка брал их и ломал на более мелкие, аккуратно складывал на месте будущего костра и комментировал свои действия:

– Сначала кладём вон ту толстую дровину. Колька, дайка своё бревно, попробую его сломать. – Вовка ухватил за тонкий конец ольховую сухостоину и со всего маху ударил ей о лежащую осину. Дровина была уже подгнившая и легко разломилась на две части. – Учитесь, пока я жив! Кладём их вниз, теперь берём тонкие сучки и кладём сверху.

Вовка присел на корточки и принялся укладывать мелкие дрова поверх толстых. Он показывал, какие ветки надо ему подать, ломал их при необходимости на нужную длину и аккуратно укладывал.

– А теперь можно класть всё подряд. А ты чего принёс один сучок, в лесу дров, что ли, нету? – обратился он к Витьке, который держал в руке всего одну осиную ветку без коры.

– Вовка, там около поля осина валяется, вся обглоданная, а вокруг всё следами заячьими утоптанно, я эту ветку еле отломил, – оправдывался Витька.

– Я сказал сухостой тащить, а ты что притащил? Одну сырую ветку! Вот сейчас и будешь глотать её, как заяц! – Вовка поднялся от костра и направился в сторону Витьки. Тот бросил свою добычу и пустился наутёк.

– Показывай, где твоя осина, – спокойно произнёс Вовка и пошёл за Витькой, который понял, что опасность миновала, остановился и стал руками показывать, где он нашёл обглоданную осину. Все поднялись со своих мест и потянулись за Вовкой. Опушка была совсем рядом.

Это было довольно крупное дерево, вывороченное с корнем. Кора на молодых ветках была съедена. Кое-где на ветках трепыхались высохшие листья. Вокруг действительно было много заячьих следов.

– Осенью упало, – заключил Вовка, – листья ещё не успели опадать. Дожди пошли, земля намочилась, корни ослабели, ветер подул с той стороны, она и грохнулась.

– А следы-то свежие, – то ли спросил, то ли подтвердил Славка, – можно засаду сделать.

– Ты что, очумел? – отозвался Вовка. – Заяц он тебе что, дурак, что ли, как ты или вон Пашка? Так он тебя и подпустит.

– Сам дурак, – буркнул Пашка и попятился.

– Засаду! Он сюда ночью ходит, а днём в каком-нибудь стогу прячется или в вашем сарае, а может, в скотном. Здесь капканы надо ставить или с собаками поднимать. Хотя этого зайца ни капканами, ни собаками не возьмёшь! Многие пытались. Знаю я этого зайца, он ко мне «во стадо» приходил.

– С собаками по чернотропу надо, а по глубокому снегу собака не пойдёт, – ввернул умное слово Мишка. Онто знал, при какой погоде его старший брат на охоту на зайца ходит.

– Жаль, что осенью мы эту осину не видели, – с грустью произнёс Толька, – можно было бы попробовать.

– Осенью он к этой осине не подходил, у него еды под ногами без неё полно было, – весело произнёс Вовка, – даже капусту в огороде у Настёнки он не всю съел, три кочана оставил, так обгрыз немного.

Народ посмеялся, зная, что в огород к Настёнке попасть проще простого, да и с уборкой того, что уродилось, она не торопится.

– А мы с Вовкой не один раз видели этого зайца на «усальбах», – похвастался Колька. – Большой такой!..

– А ещё нам отец рассказывал, как этот заяц Нюшку Шапкину до смерти напугал.

– А чего было? – прозвучал чей-то вопрос.

– Отец говорил, что они рано утром на работу шли, им к восьми надо, они рано выходят, темно ещё. Нюшка впереди шла, ну, чтобы отец вперёд далеко не ушёл, она медленнее ходит. Только на «усальбы» вышли, прошли немного, она вдруг как закричит и в сугроб упала. Отец сначала не понял, в чём дело, пока зайца не увидел. Он на тропе спал, что ли. Она на него почти

наступила, а может, и наступила! Он как вскочит, с испугу прямо на неё, как она говорит. Она подумала волк и со страху в сугроб! Отец говорит, она сначала слова не могла вымолвить, а потом ничего, даже смеялись.

– Это был другой, – уточнил Сашка, – это был беляк, и на снегу его вправду не заметишь, а наш – серяк.

– Серяк – это гриб, – засмеявшись, выпалил Мишка, – а заяц – русак!

– Этот ходит от сарая к сараю и сеном кормится, – немного замешкавшись, продолжал Сашка, – а наш ветки грызёт. Дед его в нашем сарае чуть вилами не запорол.

– Которого? – снова вмешался Мишка. – Который сено ест, как корова, или который ветки грызёт?

– Какая разница? – не поняв, о чём спор, спросил Пашка.

– Как, какая разница? – не унимался Мишка, – сравнил тоже хрен с пальцем! Один – серый, а другой – белый!

– Ладно про зайцев, обоих! – решительно сказал Вовка. – Взяли каждый по одной дровине и айда к валку. Поднимите руку, кто спички принёс?

– Я принёс, – сказал, не поднимая руки, Сашка.

– Сколько?

– Два коробка.

– Молодец! Дрова можешь не брать, так иди.

– И я один, – подняв руку, похвастал Толька.

– Мало. Ну, ладно, и ты так иди. На два заряда хватит.

Мальчишки разбрелись по сторонам в поисках дров, а Вовка с Сашкой и Толькой пошли к костру. Вскоре подошли и остальные.

Вовка опустил на колени, взял валявшиеся рядом берёзовые лубки, подсунул их под будущий костёр, пошарил по своим карманам в поисках спичечного коробка, достал из него одну спичку и посмотрел по сторонам. Он выждал, когда прекратилось всякое дуновение ветерка, и чиркнул спичкой, поднёс её к лубку, который почти сразу загорелся, слегка потрескивая. Вовка держал горящую спичку у лубка, пока она не стала обжигать ему пальцы. То, что костёр разгорится, сомнений ни у кого не было. Вовка с гордым видом произнёс:

– Учитесь, пока я живой!

Костёр разгорался всё сильнее. Дым вперемешку с паром поднимался почти вертикально вверх. Мальчишки стояли вокруг костра и любовались огнём, некоторые сели на поваленное дерево, но сидеть на нём было неудобно, оно холодное. Капранов отобрал у некоторых ребят рукавицы, положил на осину, туда же добавил свои и, усевшись на них, извлёк из кармана самопал.

– Косой, давай спички, – обратился он к Сашке, – заряжать буду.

Сашка подал ему спички и отошёл на прежнее место, на противоположную сторону костра, повернулся к Вовке и выпалил:

– Сам косой!

Ребята засмеялись, а Капранов не обратил внимания. Он зажал самопал между колен и открыл коробок со спичками, посмотрел внутрь, закрыл и отдал сидящему рядом Витьке.

– На, подавать будешь по одной спичке. – Но тут же отобрал коробок, приоткрыл наполовину и снова протянул Витьке. – Бери вот с этой стороны, чтобы головки не намочить. Намочишь, башку оторву! Понял?

– Понял, – ответил Витька, покосившись на Капранова.

Вовка брал спичку и обдирал серную головку о край дула, прижимая её большим пальцем. Это у него так ловко получалось, как будто он занимался этим делом всю жизнь. Ободрав таким образом половину коробка, он достал из кармана большой гвоздь со спиленным остриём

и стал утрамбовывать заряд в стволе. Утрамбовав, но не очень сильно, Вовка замерил его количество. Получилось, как раз до пропиленной напильником лунки, выполняющей роль запала.

– Давай ещё, этого мало.

Вовка снова принялся обдирать спичечные головки, а мальчишки болтали о всякой ерунде, бегали друг за другом и толкались. Мишке так и хотелось затолкнуть кого-нибудь на костёр, как бы невзначай, но у него это не получалось. Лишь Васька однажды попал в костёр одной ногой, подняв облако искр и частично развалив дрова.

Когда спички в коробке закончились, Вовка снова замерил заряд.

– Давай ещё десять штук, – обратился он к Витьке. – Считать-то до десяти умеешь? Или зря пятый год в школу ходишь?

– Сам такой! – огрызнулся Витька.

– Какой такой? – не понял Вовка и отвесил Витьке лёгкий подзатыльник, так, для порядка.

– Самого из пятого класса выгнали, – ответил Витька и отодвинулся.

Подзатыльника не последовало. Вовка улыбнулся и сказал, что было дело, но выгнали не за то, что считать не научился, а совсем за другое, но справку всё равно дали. На просьбу рассказать, пообещал в другой раз.

– Вовка, а «сальтиские» ребятишки прямо головки целиком отламывают, – глядя на Вовкину работу, произнёс Колька. – На заряд меньше спичек надо и быстрее получается.

– Ну и что это за заряд с деревяшками? Пыж не вылетит, – довольный собой, ответил Вовка и принялся утрамбовывать заряд. – Быстро только кошки... да котята слепые рождаются, – выругался Вовка. – Не знаю, как заряжают в Салькове, мы заряжаем, как положено. Кстати, пыж у кого есть?

Ответа не последовало, все молчали.

– А если бы я газету для курева не взял, чем бы запыжили? – спросил Вовка, ни на кого не глядя и продолжая работать своими длинными ловкими пальцами.

– Я однажды в сарай за сеном ходил, у меня тоже пыжа бумажного не было, так я половину завязки от шапки отрезал и запыжил, – начал хвастаться Генка. – Нормально получилось! Правда, я два коробка зарядил. Даже ствол оторвало, назад через голову улетел, я его потом в сугробе еле нашёл.

– Ложу нормальную делать надо, – констатировал Вовка.

Он ещё раз замерил объём заряда и решил, что теперь хватит. Зажал самопал ногами и полез во внутренний карман фуфайки за газетой. Оторвал кусок и засунул его в ствол, поработал теперь уже очень тщательно шомполом, объясняя, что пыж должен быть плотным. Если его прорвёт, то вместо выстрела один пшик получится и спросил насчёт пули. Все решили, что холостым стрелять неинтересно и пуля нужна. Он пошарил у себя по карманам и отыскал шарик от подшипника, опустил его в ствол и утрамбовал ещё один маленький пыж. Потом одну спичечную головку очистил в лунку, установил две спички для поджига так, чтобы они плотно прилегали к месту запала и не выпали, когда по ним проведут спичечным коробком. Все свои действия он комментировал, показывая, какой он деловитый и умелый. Настало время выбрать стрелка. У Капранова всё было честно. Стрелять должны были не одни и те же, а по очереди, в зависимости от конкретных обстоятельств и личных заслуг. В этот раз выбор пал на Сашку, он давно не стрелял, хотя у него и свой плохонький самопал есть, а с другой стороны, он спички принёс.

Вовка выбрал дерево, в которое надо стрелять. Сначала пытался повесить на сук Васькину шапку, но тот поднял крик, и от этой затеи пришлось отказаться. Уговоры, что дырочка будет маленькая, шарик круглый и гладкий, да и Сашка наверняка не попадёт, «он же косой!», не подействовали. Витька предложил стрельнуть в свою шапку, но ему не дали. Решили, что он специально промахнётся, а не стрельнёт, «нет уж, знаем мы тебя». Таким образом Сашка

встал на исходный рубеж, словно на дуэли, выпучил глаза и приготовился провести коробком по головкам спичек в месте запала. Все расположились сзади и молча уставились на стрелка. Сашка прицелился, провёл коробком по спичкам и отвернулся. Спички загорелись, и почти сразу раздался громкий выстрел, запахло серой.

Сашка опустил самопал, и несколько человек пошли смотреть, попал или нет. Следа от пули не нашли, обозвали Сашку мазилой и вернулись к костру.

Вовка взял из рук Сашки самопал, вытащил от запала обгоревшие спички и положил оружие в карман, взял заранее приготовленную палку и поправил дрова в костре. Усевшись на своё место, он внимательно посмотрел на огонь:

– Надо было картошки взять! Сейчас испекли бы, как прошлый раз.

Вовка поднял глаза на Ваську и стал ему выговаривать, что в прошлый раз он принёс не той картошки. Надо было белой набрать, а он притащил почти одной красной. Васька, немного заикаясь, пытался объяснить, что там была только красная и лишь кое-где белая, и её почти всю уже скормили, осталась маленькая кучка. Но Вовка уже для всех стал говорить, что картошку пороссятам возят из бурта, где белая и красная картошка вперемешку. Васька не сдавался и, ещё сильнее спотыкаясь в словах, поскольку торопился выговориться, тараторил, что там Настёнка была, она всегда ругается, когда картошку на свинарнике воруют, и Митя за печкой кряхтел.

– Вот Витьке ни Настёнка, ни Митя не мешают, – ткнув палкой Витьку в живот, произнёс Вовка. – В следующий раз с ним пойдёшь.

– А чего опять я? – возмутился Витька. – Я уже два раза ходил! И чего ты палкой горячей тычешь? Она чуть дырку не прожёт! Я мамке скажу. Пусть Колька идёт, у него и сумка есть, а у меня нету.

– Ладно, разберёмся, – закончил тему Вовка и достал из кармана самопал.

– Вовка, дай посмотреть, – сказал Генка и протянул руку.

– На, посмотри, – с гордостью произнёс Вовка и отдал самопал.

Генка не спеша, очень медленно поворачивая изделие, начал рассматривать оружие со всех сторон. Он обратил внимание, что ствол глубоко врезан в рукоятку, создавая надёжный упор. Это было понятно, иначе ствол полетит при выстреле назад и может убить или покалечить. Сверху на ствол была прибита гвоздями широкая жестянка, это чтобы его не оторвало от рукоятки. Ствол сделан из такого же пальца от льнотеребилки, но он был короче, чем у его самопала, было видно, что от него часть отпилили. Генка задумался и спросил об этом у Вовки.

– Дай сюда! – сказал Вовка и забрал у Генки оружие, которым сам очень гордился. – Вот видишь эту лунку на стволе? – показал Вовка на полукруглую лунку на торце дула. – Здесь были две дырки для смазки, при выстреле в них весь заряд может вылететь, а не через дуло. Понятно?

– Понятно! – ответил Генка и получил лёгкий подзатыльник.

Шапка сползла Генке на глаза, потому что была великовата, среди присутствующих раздался смешок, а Генка задумался. Ему показалось, что подзатыльник помог ему сообразить, почему от его самопала ствол оторвало. «Всё дело в этих дырках, – предположил он, – эти дырки снизу плотно прилегали к ложу, заряд рванул в эти дырки и оторвал ствол».

Поняв Генкин интерес к его изделию, Капранов стал объяснять, что запал тоже надо делать с умом. Он должен быть сверху, чтобы порох не высыпался, а ещё лучше вплотную к ложу, здесь порох вообще можно насыпать кучкой. Скобка для спички должна быть маленькая, чтобы спичка плотно сидела и не ёрзала при её запале, а лучше две спички, для верности.

– Мы с Вовкой Шапкиным сделали самопал из трубки от насоса, так у нас ствол с первого выстрела разорвало, – пожаловался Генка, – по шву лопнул и там, где запал.

– Нашли тоже, из чего делать! Дураки, что ли? – вмешался в разговор Витька.

– Мы потом из остатка этой трубки бомбу сделали, – продолжил Генка, не обратив внимания на Витькину реплику, зная, что тот своими руками ничего ещё не сделал, разве что дырку в чужой огород.

– Мы в неё спичек побольше накрошили, запыжили и зачеканили с обеих сторон, а вот как запалить, не сообразили.

– Проще простого, – уверенно сказал Вовка, – берёшь льняную нитку, мочишь её в керосине или в лампадном масле, обмотнёшь пару раз вокруг ствола, так чтобы через запал, поджигаешь нитку с одного конца и прячешься. Нитка начинает гореть, а как огонь доберётся до запала, так и рванёт.

Закончив речь, Вовка отвесил подзатыльник Тольке, который оказался рядом по правую руку.

– Понял?

– Понял! – ответил Толька и отодвинулся подальше.

– А мы в валок бросили, – похвастал Генка. – Как рвануло, только головёшки в разные стороны полетели!

– Где валок-то разожгли? – поинтересовался Вовка.

– На Точке, – честно сознался Генка, не зная, хорошо это или плохо.

– На Точке! Надо было в печку бросить, не в свою, конечно, зашли бы просто так к Зинке Мухиной и в маленькую печь подложили. Вот смеху-то было бы, когда затопила и рвануло бы немного погода! – очень весело произнёс Вовка, и все дружно засмеялись. Громче всех смеялся Васька, причём не потому, что было смешно, а потому, что смеются другие. – А ещё лучше Саше Ондреву в баню, – разыгралась Вовкина фантазия. – Как рванёт, котёл потолок прошибёт или дверь вышибет, а кирпичи в окна повылетают!

Хохот поднялся пуще прежнего, не смеялся только Мишка. Когда смех прекратился, Колька спросил:

– А если загорится?

– И так загорится, если за печкой смотреть не будешь! – ответил Вовка и принялся заряжать самопал.

Ребятам тема понравилась, и они начали выдвигать самые немыслимые идеи, что бы ещё такое взорвать. Костёр взрывать не интересно, хотя и красиво. Некоторые предлагали рвануть бомбу в школе, другим больше нравилась колхозная контора. Витьке хотелось подложить бомбу в кузнице (кузнец ему не нравился, он считал Витьку лодырем и бестолковым). Колька почему-то хотел поугагать мельника, тот ему чем-то не угодил. Мальчишки знали, в чём нелюбовь к мельнику, и смеялись. Сашка думал вслух, «как бы подложить бомбу на дороге, чтобы напугать шофёра или тракториста, типа война началась». А Толька пытал Капранова, как взорвать бомбу под водой, чтобы рыбу глушить. Тот сказал, что Толька дурак. Попробовать можно, но тут есть варианты: либо руки оторвёт, либо башку, – а вместо рыбы он сам оглохнет, это точно. Все смеялись. Вовка радовался, что всех рассмешил и продолжал сочинять. Вместо затей с рыбой Капранов предложил Тольке сделать маленькую бомбочку и подложить дома в самовар. Как жажнет, так все, кто дома будет, оглохнут. Так как отец у него заядлый рыбак, свежая рыба в доме всегда есть, пусть в самовар рыбёшек набросает, они тоже оглохнут, хотя ушей у них Вовка отродясь не видел. Вместо рыбы можно запустить лягушек или головастиков, как он это уже проделывал. «Как рванёт, так тебе одновременно будет и салют из углей, и фонтан из кипятка, и рыбки летающие будут плавниками, как крыльями, размахивать». А то, что стёкла повылетают, так летом окна всё равно не закрывают. Капранов так красочно рисовал картину, происходящую в доме, что некоторые мальчишки падали от смеха и держались за животы. Роль каждого члена семьи была расписана конкретно, слушаешься.

– А как вы трубку-то зачеканили? – сменил тему Вовка и повернулся к Генке.

– Молотком! – ответил тот.

– Придурки! – покачал головой Вовка. – От удара спички могли взорваться, остались бы без рук и без глаз, а то и того хуже.

– А мы палочкой померили, докуда спички, и колотили выше, где их нет, – оправдывался Генка, – и пыж ещё был, мы выше пыжа.

– А если бы промазали? Выше пыжа они колотили! – перебил его Вовка. – Вот придурки. Генка поправил шапку, сползшую на глаза, и молчал. Молчали и остальные.

Тем временем самопал был вторично заряжен. Капранов своей властью решил, что стрелять будет Толька. Для этого у него было несколько причин. Толька в душе заядлый охотник. Вовка обещал ему сделать «классный» самопал, с которым он будет ходить на охоту за зайцами, а Толька за это принесёт ему десять коробков спичек. А когда самопал будет готов, то для тренировок по стрельбе Толька сопрёт у отца дымный порох, хотя бы полбанки. Вовка знает, что порох у Толькиного отца есть. Ясно было, что порохом самопал будет заряжен один или два раза и то вперемешку со спичечными головками, а остальное пойдёт на патроны для Вовкиного ружья.

Стрелять Тольке надо было в собственную шапку, которую бросили в кусты, и она изображала зайца. В отличие от Сашки, Толька стрелял, не отворачиваясь, и старался прицелиться. Выстрел получился громкий, явно мощнее первого, но стрелок промазал. Вовка сделал вид, что остался доволен, с такими стрелками его знакомому зайцу ничего не грозит, и он будет прибегать к нему «во стадо», если самого раньше в армию не заберут.

Черти

Снова заговорили о зайцах. Вовка сел на своего конька и пустился во все тяжкие:

– Пасли мы как-то в Задних губах... – С этой фразы он часто начинал рассказывать свои невероятные истории. Стояло раннее утро, он сидел на берегу реки и наблюдал, как рыба ловит мошек и букашек, оказавшихся на поверхности воды. И тут Вовка заметил, что совсем недалеко от него, где был довольно широкий плёс с медленным течением, реку переплывает выдра. Он решил за ней понаблюдать. Ружья в этот раз у него не было, а то бы он пальнул. Выдра – вредное животное. Толку от неё никакого, а рыбы съедает много. Присмотревшись получше, он заметил, что уши у этой выдры какие-то не такие, длинные больно, у выдры-то их почти совсем нет.

– Вот бы посмотреть, – с завистью произнёс Васька.

Вовка посоветовал Ваське, когда подрастёт, подрядиться подпаском, тогда не только выдру увидит, но и на других птиц и зверей посмотрится. А у этой выдры уши были, как лапти. Он сначала подумал, что ему чудится или он спит. Выдра вышла на берег, отряхнулась от воды и превратилась в зайца. Уши поднялись, а хвоста совсем нету. Вовка пожалел, что ружьё не взял, а то бы точно грохнул. Решил понаблюдать. Заяц вылез на берег и пошёл в сторону стада, да не как заяц, прыжками, а как-то вразвалочку. А на передних лапах вместо когтей пальцы, недлинные, конечно, и без когтей. Вовку это заинтересовало, и он стал за ним следить из-за куста. Заяц вошёл в стадо, стал ходить между коров. Вовка упустил его из виду и решил подойти. Когда подошёл поближе, то увидел, что заяц сидит под колхозной коровой Тоньки Степановой и доит её прямо себе в рот. И что интересно, на нём был повязан платок, которым он прижал уши. Откуда взялся платок, Вовка понятия не имел. Мешать зайцу он не стал, а тот, попив молочка, поскакал в сторону деревни, прямо в платке.

– Видно решил огородишко накрыть, – заключил Вовка.

– А может это был чёрт? – предположил Колька. – Мне недавно он во сне приснился, и, что интересно, голова у него была, как у нашего быка. В книжке, я видел, он нарисован со свинячьим рылом, а этот – с бычьим. Страшно было.

– Сам ты чёрт! Он ко мне потом ещё не один раз приходил, – произнёс Вовка и, подставив подножку, толчком повалил Кольку в сугроб. Все посмеялись и порадовались за себя, что не оказались в сугробе вместо Кольки или рядом с ним.

– Черти, они всякие бывают, – сделав глаза двустволкой, уверенно высказался Сашка, – мне дед говорил.

– А я как-то шёл мимо дома Груши Осокиной, она с соседкой Марьей разговаривала, – снова немного заикаясь, начал Васька. – Она говорила, что черти водятся в тихом омуте. Это в нашем, что ли? – спросил он, глядя на Вовку.

– В этом не водятся, – ответил Вовка. – Раньше были, прямо на мельнице и жили, но потом мельник их прогнал. Не этот мельник, а ещё его отец Сергей. Сначала они повадились к нему приходиться и вместе водку пить. Бывало, напьются и начинают куролесить. А потом он заметил, что водка пропадать стала. Мужики привезут, бывало, которые непьющие, выпить мельнику не с кем, он припрячет, а потом найти не может. Стал на чертей грешить. Однажды напился вместе с ними, они разгулялись, стали зерно и муку разбрасывать, гирями швыряться, жернова раскручивать... Это надо было видеть!

Вовка в картинках рассказал, как они куролесили. Можно было подумать, что он наверняка видел, как всё было, и не просто наблюдал со стороны, а сам во всём участвовал.

– Мельнику это не понравилось, – продолжал Вовка, – он взял «богорок», тот, что полегче и поострее, и давай их охаживать.

Пацаны слушали, раскрыв рты, как мельник «забавлялся» с гостями. Разыгравшаяся в их воображении сцена продолжалась довольно долго, сочинять Капранов умел. В итоге одного чёрта он посадил в мешок из-под муки, другого поймал за рога, которые во время поимки порядком пообломал. Эти обломки у Вовки под крыльцом или под мостом валяются, он их найдёт и покажет. Надо думать, что какие-то лосиные рога у него есть, и он из них пытался сделать какую-нибудь полезную вещь, испортил, а потом забросил. Пойманных чертей мельник обещал пропустить в жернова, если ещё раз появятся. Черти всё поняли. Рогатые взвалили мешок на горб и припустились бежать. Говорят, что поселились на Работке в Чёрном омуте, но Вовка их там не видел, стадо туда редко гоняют.

– Врать не буду, – сказал Вовка. – А вот Григорий Багрелов мог встретить, он любит там с удочками посидеть.

– А чего же они едят? – робко спросил Васька.

– Ты что, дурак? – сразу отозвался Колька. – Они ничего не едят и не пьют, это те же ангелы, только падшие, я читал в одной книжке. Не зря же их в церквах на стенах рисуют.

– А чем же они питаются? – не унимался Васька.

– Это ты вечно голодный, а они святым духом питаются, – с умным видом ответил Колька.

– Вот бы и мне так, – вздохнул Сашка, а Васька с открытым ртом пытался переварить то, что сказал Колька.

– А как же они водку с мельником пили? – удивился Витька.

– Сравнил тоже, – начал Капранов, – водку не пьют, а выпивают, чувствуешь разницу? Она для души, вся внутри остаётся.

– А я и не знал, – сожалел Васька.

– Ты много чего не знаешь, – чем-то довольный, сказал Вовка и отвесил Ваське лёгкий подзатыльник.

Начало смеркаться. Генка с двоюродным братом Витькой стали собираться домой. Надо ещё воды натаскать, дров в дом занести, уроки поделать. Глядя на них, засуетились и другие. Ваське хотелось послушать ещё про зайца, но Капранов сказал, что расскажет в следующий раз, если спички или порох будет, белой картошки со свинарника принесут и соль не забудут.

Северное сияние

Вскоре костёр был потушен, дрова аккуратно разобраны, чтобы сохранились для следующего раза. Поленья лежали поодаль друг от друга и дымились. Лыжники выстроились цепочкой и нехотя двинулись в сторону деревни. Капранов шёл замыкающим. Когда перешли речку и вышли на дорогу, мальчишки по одиночке и парами стали расходиться по своим домам, некоторые ещё стояли на месте и просто болтали.

Витька с Генкой шли первыми и оторвались от остальных. Витька вообще медленно ходить на лыжах не любил, старался всегда бежать, соревнуясь сам с собой. Когда дошли до поворота к Генкиному дому, остановились. Погода радовала. Стоял лёгкий морозец, ветра совсем не было, деревья не шелестели своими голыми ветвями и стояли молчаливыми. Из Семёнова и Юрьева доносились знакомые всем звуки обыденной деревенской жизни. Небо было усыпано яркими звёздами, среди которых Витька искал знакомые созвездия. Самыми узнаваемыми были: Большая и Малая Медведицы, Кассиопея, Лира, Лебедь. Он тыкал в них лыжной палкой и объяснял, как можно их найти среди бесчисленного количества звёзд. Подошедшему Сашке пытался показать Полярную звезду, которая, с его слов, всегда остаётся на одном месте – строго на Севере. По ней точно можно определить направление сторон света, если вдруг заблудишься.

– А мы с Васькой Баковым недавно спутник видели, перебивая Витьку, заговорил Сашка, – он, как звезда, двигался по небу от Юрьева в сторону Карманихи. Говорили, что он мигает, но он не мигал.

– Мы тоже видели, – сменил тему своего рассказа Виктор, – Генка, помнишь, дядя Вася Нумов нам показывал, он специально ждал, когда он полетит, хорошо видно было, только я уже не помню, в какую сторону он летел, кажись, тоже на запад.

Над Юрьевскими домами повисла восходящая луна, ещё неполная, но очень яркая. Генка то и дело задирает голову и крутится из стороны в сторону, рассматривая звёзды и созвездия. Вдруг он опустил взгляд и, обращаясь к Витьке и Сашке, робко спросил:

– А вы вчера вечером, даже уже ночью, на небе ничего не видели?

– Нет, – ответил Витька, – я вчера, как домой пришёл, так на улицу из дома не выходил.

– Я тоже не выходил, уроки делал, – выпучив глаза ответил Сашка, – мать заставила...

– А вчера, уже поздно было, Витька за дровами для маленькой печки пошёл, – радостно начал Генка, – принёс и говорит: «Одевайся, пойдём посмотрим!» Мы вышли, подошли к огороду и стали смотреть в сторону Заозерья. Недолго стояли и вдруг небо начало окрашиваться в разные цвета, оно становилось то зелёное, то красноватое, то синеватое, то ярче, то бледнее. Больше зелёного, не очень высоко, правда, но отчётливо было видно! Мы подумали, что это северное сияние. Я раньше такого никогда не видел. Красиво было! Честное слово! Несколько минут небо светилось! Потом пропало, мы постояли немного, дольше ждать не стали и ушли. Надо сегодня ещё посмотреть, может, появится?

Через некоторое время подошёл Васька. Он нёс свои лыжи в руках, они у него совсем не ехали. Лыжи у него были самодельные, их смастерил кто-то из деревенских умельцев для себя или своих детей много лет назад. Теперь они достались Ваське. Такие лыжи ещё были в ходу, но лишь у тех, кому родители не имели возможности купить лыжи заводские. Но в деревне почти у всех лыжи были настоящие, у некоторых даже беговые. Васькины лыжи скользили плохо и были тяжёлые по сравнению с купленными в магазине. Генка из вредности посоветовал ему намазать их дёгтем.

– Васька, – говорил он, – вот колёса у телеги дёгтем мажут, чтобы они не скрипели и легче крутились. – Так и лыжи нужно намазать, знаешь, как покатыт, только держись!

– А ты свои мажешь? – спрашивал Васька.

– Конечно, мажу, – не моргнув глазом, говорил проказник и вредина Генка. – Только сейчас дёготь уже стёрся, я много ездил, надо снова намазать.

– А как? Я не умею, – жаловался Васька.

– Всё просто, – сочинял Генка. – Ты отковырни дёгтя в баночку, когда потеплее будет, внеси в дом и поставь к печке. Он постоит денёк, отогреется, жидким станнит, ты и намажь тонким слоем, знаешь, как покатыт!

Васька так и сделал, и теперь нёс лыжи на плече.

Немного постояв и поговорив о северном сиянии, Васька с Сашкой ушли, а Витька заговорил о лыжах.

– Васька мне хвастался, что теперь у него лыжи тоже хорошо скользить будут. Он их дёгтем намазал, говорит, что ты научил.

– Да я смехом ему сказал, а он сдуру намазал, дёготь примёрз, теперь отскребать надо, – как бы оправдываясь, ответил довольный собой Генка. – А ты чем мажешь?

– Я пробовал варом, но мне не понравилось, теперь я, если что, воском мажу, намного лучше скользят, – поделился секретом Витька.

– А мне Толик лыжную мазь привёз, – с нескрываемой гордостью похвастался Генка. Завтра возьму с собой – намажем!

– Ладно! – Витька кивнул головой, в знак согласия, и двинулся по дороге дальше, резко отталкиваясь палками.

Генка так и не понял, поверили ребята ему или нет, насчёт северного сияния, но для него это было и неважно. Главное, что он его видел, а они не видели и похвастаться им сегодня нечем.

Гонки на выживание

Через пару дней на улице потеплело. Пошёл обильный снегопад. Снега выпало видимо-невидимо, он повис на ветвях деревьев, электрических проводах, заборах, толстым слоем укрыл крыши домов.

Температура перевалила за ноль и даже ночью не опускалась до минусовых значений. На лыжах кататься было невозможно. Снег налипал на лыжи так, что приходилось отскребать. Для этого времени года такая погода была ненормальной, и вскоре снова сильно похолодало. На снегу образовался наст, да такой прочный, что на нём можно было играть в футбол и не проваливаться. В футбол не играли, а вот в хоккей без коньков обыкновенными палками консервную банку гоняли. Для любителей покататься на лыжах лыжня была не нужна, можно было ехать в любую сторону. Как по заказу, выпал пушистый снежок, едва покрыв поверхность наста.

Вовка лоботрясничал, также играл с малышняй, несколько раз на пару с Мишей Никоновым ездил к стогам за сеном для колхозных коров. Там же, на скотном дворе и на свинарнике, колол дрова для печей. В этом деле ему помогали добровольные помощники. Подносили чураки, устанавливали их вертикально и относили расколотые. Вовка со всей дури бил колуну по чуракам, показывая, какой он сильный и ловкий. Когда не получалось, жаловался на колун и слишком «суковастые» чураки. Давал поработать и мальчишкам, устраивая соревнование. У некоторых навыки в этом деле уже были, Вовка их нахваливал, сулил всякие обещания, что приносило несомненный эффект. Сам же особенно не усердствовал, «не царское это дело».

Показывал заячьи следы. Говорил, что это его знакомый заяц приходит покушать свежего сенца, погреться внутри коровника и подоить коровку, чтобы запить горькую осиновую кору, которую он грызёт с чураков. «Не дурак, выбирает чураки потоньше и позеленее», – говорил он, показывая на следы зубов, оставленные на поленьях. На досуге он, как обещал, сделал за два рубля самопал Сашке из Генкиного ствола и начал делать Тольке. С Сашкиным пора ехать в лес и испытывать. Он распределил обязанности по спичкам, картошке, табаку, соли и ждал выходного дня.

В воскресенье почти с утра начала собираться компания, чтобы поехать в лес, посидеть у костра, испечь картошку, пострелять, послушать Вовкины байки, покурить. Славка с утра следил за свинарником и скотным двором, катаясь поблизости на лыжах. Когда все разошлись, пробрался в подсобку, набрал полную авоську картошки и занёс в дом, чтобы не замёрзла. Витька Лизин наворовал у отца папирос и бережно держал их в кармане, чтобы не поломать. Другой Витька – в деревне было шесть Витек почти одного возраста – спёр у отца махорку, насыпав её прямо в карман. Генка достал из мешка, что висит около печки, два коробка спичек, а ещё один наполнил солью, взял из комода, висящего на стене в чулане, две конфетки, хотел взять побольше, но передумал, чтобы не делиться с другими, жалко. Зачем-то натёр лыжи мазью, словно собирался на гонки, и положил её в карман, завернув в обрывок газеты. Толька и Сашка также прихватили спички, рассовав коробки по всем карманам.

Некоторые поехали в лес, не дожидаясь Вовки. Лыжня была не нужна, дорогу каждый выбирал себе сам. Приехав на знакомую поляну, Витька принялся отряхивать от снега дрова, оставшиеся с прошлого раза, но костёр не собирал, знал, что Капранов всё сделает по-своему. За новыми дровами никто не шёл, всем было лень, и гордость не позволяла, ждали, когда придет Вовка и распределит роли. Генка высматривал подходящую берёзу, чтобы добыть лубки, это проще, чем ходить по лесу и выскивать сухие деревья.

Вовка приехал быстро, вслед за ним подтянулись ещё трое, в том числе Сашка и Славка с картошкой. Как и ожидалось, все, кроме Славки, были посланы собирать дрова. В этот раз по лесу ходить было нетрудно, наст проваливался лишь изредка. Дров принесли много, и Вовка принялся разводить костёр. Он много говорил, шутил и смеялся, наслаждался своим величием и радовался, что был в центре внимания. Погода тоже радовала. Хотя солнышко еле просматривалось через облака, было вовсе не холодно. Если на открытом месте дул лёгкий ветерок, то в лесу было совсем тихо. Лес был прозрачен, снег с веток осыпался. Шапки-ушанки можно завязать наверху, а рукавицы спрятать в карманы.

Когда костёр разгорелся, Вовка сел на своё законное место и достал из кармана самопал. По выражению его лица было видно, что он доволен своим изделием. Вовка перекладывал самопал из одной руки в другую и улыбался. Самопал действительно был хорош. Миниатюрная рукоятка была аккуратно вырезана и отшлифована напильником, ствол почти полностью погружён в ложе. Прорезь для запала находилась сверху. С обеих сторон запала в ложе вбиты аккуратные петли из гвоздей для дранки так, чтобы спички для поджига можно было вставлять с двух сторон. Сверху жестяная накладка, облегающая короткий ствол и рукоятку по рельефу. С таким оружием можно и на войну.

Последним к костру пришёл Толька с одной дровиной.

– Ты что, заблудился, что ли? – в шутку спросил Славка и нахлобучил ему шапку на глаза, как это делал Вовка. Этот жест был очень популярен у Семёнковских ребяташек, немного, но обидно.

– Там снова зайцы натоптали, – радостно сообщил он, – я думаю, не один, а целая стая.

– Стая? Это тебе что, волки, что ли? – возмутился Вовка. – Зайцы стаями не живут, они одиночки, разве что зайчиха с зайчатами, да и те через две недели разбегаются. Ими коршунё и лисы питаются. Я сам не один раз видел: сидит коршун, клюёт чего-то, подошёл, смотрю зайчонок.

– А мне отец говорил, что зайчат даже вороны и сороки едят, как цыплят, – блеснул своими знаниями Витька. – У нас в прошлом году полвыводка перетаскали.

– Чего перетаскали-то, зайчат или цыплят? Стеречь наседку надо было, а не по чужим огородам лазать, – засмеялся Вовка, а вслед за ним засмеялись и мальчишки.

Все знали, как Гриша Марков поймал его в своём огороде за сбором клубники и отхлестал кнутом, пока тот торчал кверху задом в грядке, а потом бежал до лазы в заднем конце огорода.

– Надо бы этого зайца постеречь, – размечтался Толька.

– Бесполезно, – более чем уверенно возразил Вовка. – Многие пытались его стеречь, и с собаками гонять, и капканы ставить. Всё бесполезно. Даже лиса, уж на что хитрая, и та уже

который год поймать не может! Правда, один раз чуть не подловила. Сам видел. Долго она его стерегла, всё повадки изучала: где спит, где питается, где с зайчихами развлекается. Заметила, что повадился он заячью капусту есть в Карманихе. Ну, вы все знаете это место! Как взойдёшь с Бородина по верхней дороге, сразу налево вниз к ручью, там справа много её растёт. Вот лиса и задумала там его подстеречь. Спряталась за сосну, такую здоровенную, под которой пастухи отдыхают и валок жгут, когда там пасут. Подолгу сидела и даже не один день приходила. А он в это время на Круче молодым клевером питался. Но однажды ему капустки захотелось, он и пошёл к сосне-то. А лиса расслабилась, думала, опять не придёт, «нюх потеряла», разлеглась почти на виду, задумалась, даже вздремнула. А там в дупле на осине белка жила. Лиса уже думала белочкой полакомиться, но по деревьям лазить не умеет, вот планы и строила, как белку обмануть. Но и та не дура, видит, что лиса около сосны уже который день околачивается, неспроста, значит.

– Заяц почти вплотную подошёл, – продолжал Вовка. – Лиса-то рыжая, и ствол сосны под цвет шкуры. Она пошевелилась, чтобы на белку посмотреть, вот заяц её и заметил. Лиса тоже его заметила. Заяц, недолго думая, рванул наутёк, лиса – за ним. Он сначала по полю пустился, но сообразил, что на ровном месте ему не убежать, надо в лес сворачивать. Там он через кусты и поваленные деревья перемахивает, а у лисы так не получается, она не такая прыгучая. На снегу видно, насколько заячьи прыжки длиннее, чем у лисы. Он – по Малому Бородину и по полю к Работке. Лиса не отстаёт и покрикивает: «Не уйдёшь! Поймаю! Сначала тебя сожру, а потом и твою зайчиху!» Заяцу разговаривать некогда было, ему удирать надо, но он ей иногда отвечал: «Мол, врешь, не возьмёшь!..»

Самопал тем временем был заряжен, и предстояло выбрать стрелка. Многим хотелось стрельнуть, но Вовка решил, что первым из своего самопала стрельнёт Сашка. Вовка выбрал дерево, в которое надо стрелять, да так чтобы ветер дул не в лицо, а в спину.

– Держи крепче, чтобы не улетел, как у Генки!

Сашка встал на исходную позицию, выпучил глаза, чиркнул спичку. Раздался громкий выстрел, Сашкина рука дёрнулась вверх, да и сам он покачнулся, однако самопал остался в руке. Двое или трое пацанов пошли смотреть результат. Снова промах! Славка прошёл чуть дальше и нашёл царापину на ольхе правее от той, в которую стрелял Сашка.

Кто-то сказал:

– Косой и есть косой!

– Сам косой, – неизвестно кому ответил Сашка и отдал оружие Вовке.

Вовка поправил костёр и приготовился снова заряжать самопал.

– Вовка, а что там заяц-то? – спросил Витька.

– А что заяц?

– Ну, ты говорил, что он к Работке по полю побежал, а лиса за ним. А он ещё приговаривал, что «врёшь, не возьмёшь!»

– Это кто врёт, я, что ли? – Вовка строго посмотрел на Витьку.

– Нет, не ты, это заяц так говорил, когда от лисы сматывался, – оправдывался Витька.

– Так бы сразу и сказал, – уже весёлым тоном проговорил Вовка и нахлобучил шапку на глаза Ваське, который оказался рядом. – Дело не в том, что он косой. Он стрелять не умеет. Когда поджигашь, не самопалом по коробку надо дёргать, а спокойно провести коробком по головкам. Рука с самопалом должна оставаться на месте. Вот он правой рукой дёрнул, пуля и ушла вправо. Если бы не дёрнул, то попал бы, я в этот раз пули свинцовые сделал, точно по дулу, куда прицелишься, туда и попадёшь. Генка видел, он эти пули раскатывал.

– Вовка, а ты про зайца ещё не всё рассказал, – снова заговорил Витька.

– А что там с зайцем? – спросил Вовка. Он, видимо, забыл, о чём говорил, и не успел придумать, что сочинять дальше.

– А ты сказал, что «заяц» через Малое Бородино и по полю к Работке рванул, – напомнил Толька.

– Ну, да, – не спеша начал Вовка, – там, на Дмитровке был лён посажен. Заяц высоко прыгает, ноги не путаются, а лиса так не может, ноги за лён цепляются. Но она тоже не дура, догадалась, что бежать надо по борозде. «Заяц» удирает и про себя соображает, что на Работке он от лисы оторваться сможет. Только надо место выбрать, где он перемахнуть на другой берег может, а у лисы не получится. У зайца задние ноги длинные и сильные, а у лисы короче и слабее, она хитростью берёт. Так и сделал. С разбегу перемахнул через русло, а лиса подбежала и задумалась, но долго думать некогда, зайца догнать надо. Там впереди по картофельному полю у неё появлялся шанс догнать беглеца. Лавы далековато, пока крюк будет делать, уйдёт косою.

– Сам косою! – раздался голос Сашки. Все захохотали, а Вовка, как ни в чём не бывало, продолжал:

– Лиса попятилась и с разбегу прыгнула. Но разбег был короток, да и берег нетвёрдый, оттолкнуться, как следует, не получилось. Почти перепрыгнула, у самого берега в воду шлёпнулась. Выругалась матом, как Андрей Семёныч, и стала выкарабкиваться.

– А откуда ты знаешь? – удивлённо спросил Колька.

Капранов поднял глаза на Кольку и спокойно ответил:

– Мы как раз там пасли в низах, своими глазами видел. Кое-как выбралась, отряхнулась и – за зайцем. А тот уже по картофельнику мимо кузницы к Точке несётся. Думает, может, там, где-нибудь в канаве, под кустами залечь? Пока бежал, передумал. На Точке не спрячешься, найдёт. Повернул к деревне за крайним домом, там под горку бежать полегче. Лиса хотя и поотстала, но от идеи откушать зайчатинки не отказалась. Куры, что у Нюрочки Городской таскала, надоели, их ощипывать надо, к тому же они и тощие. Народу в доме полно, а куриц накормить некому! Они у неё чай и яйца-то не несут, если Славка в колхозный курятник за ними лазает!

Пацаны засмеялись, всех громче хохотали Сашка и Васька. Они были рады, что лиса именно у Нюрочки куриц воровала. Их матери регулярно с Нюрочкой ругаются по поводу и без повода. И многие помнят, как она возмущалась, когда по округе ветром куриные перья носило, было смешно, а кое-кому ещё и радостно.

– Когда «заяц» мимо кузницы бежал, – снова заговорил Вовка, – там его Валет Васьки Багрелова засёк. Васька молотобойцем Фёдору помогал и Валета с собой взял. Валет, когда на цепи злой, как собака, а так не кусается. Лежал в тенёчке, никого не трогал, видит, мимо косою, как угорелый, несётся. Валет, он не охотничий, а непонятной породы, сообразил, что зайца ему не догнать, хотя и сделал несколько прыжков в его сторону. Хотел уже назад повернуть, а тут лиса нарисовалась, а у Валета с ней давние счёты. Она не один раз его дразнить приходила, когда он на цепи сидел. Подойдёт к дому и крутится, то задом, то передом к нему повернётся, красуется, а тот волнуется, бесится, но сделать ничего не может. А тут, вот она, сама к нему в лапы бежит. Ринулся вслед за ней и уже догонять стал, она-то уже подустала, а он свеженький. «Ну, – думает, – сейчас я с ней позабавлюсь!» Но тут, как назло, кошка Митрия Шапкина за домами гуляла, на мышей охотилась. Валет, он же пёс не охотничий, сразу на кошку переключился. Погнался за ней, а та на дуб, что под окном у Зинки Мухиной растёт. Валет попрыгал, полаял и всё, ни лисы, ни кошки. – Вовка развёл руками и замолчал.

– А как же заяц? – спросил Толька.

– Сначала хотел вдоль деревни, но передумал, а то получится, как прошлый раз, – скороговоркой ответил Вовка, переключившись самопал из руки в руку.

– А как было прошлый раз? – спросил Генка.

– Я уже рассказывал, потом ещё раз расскажу, – не поворачивая головы, ответил Вовка и полез в карман фуфайки за пыжом и пулей. Тщательно утрамбовал заряд и пыж, стал подбирать

пулю, чтобы плотно входила в дуло, выбрав, утрамбовал и её. Две или три спички очистил для запала и тоже уплотнил, две спички для запала установил с одной стороны. Прodelав всё это с особой тщательностью, поднялся со своего места. – Сейчас я вам покажу, как стрелять надо!

Вовка прошёл на то же место, откуда стрелял Сашка. Потопал своими длинными ногами, чтобы встать поувереннее, расставил их на ширину плеч, поднял самопал, держа его в прямой вытянутой правой руке, провёл коробком по спичкам, и почти сразу раздался выстрел. Иногда это происходит с задержкой на одну-две секунды. Выстрел показался очень громким, в воздухе появился запах жжёных спичек.

– Смотрите! – с нескрываемой улыбкой произнёс Вовка, видимо, был уверен, что попал.

Всем хотелось посмотреть. Некоторые почти бегом, наперегонки, устремились к дереву, служившему мишеню. На уровне головы, можно сказать посередине ствола, виднелось входное отверстие. Выходного отверстия не было. Все радовались точному выстрелу учителя и мастера по изготовлению самопалов. Недоволен был только Витька Шкура. Он бухтел, что заряд слабый, ствол короткий, мишень была близко и большая. Вот если бы в шапку, то промазал бы. Вовка предложил повесить в следующий раз его шапку, но Витька отказался.

В гостях у Мишки

Вовка поправил дрова в костре, потёр рука об руку и, улыбаясь, сел на дерево.

– А вот с медведем однажды у зайца проблема случилась, – загадочно произнёс рассказчик.

– Там далеко в лесу, ближе к Рябовскому болоту, я бы сказал, за Ковальями, в сторону Гнилухи, непроходимый лес. Там давным-давно лес валили на дома, а теперь уже много лет туда ни пройти, ни проехать. Повалился в те места один медведь на зиму приходить. Заберётся с осени в берлогу и спит, весной выйдет из берлоги и уходит. Куда уходит, никто не знает. Ему там хорошо, никто не мешает. Если какой зверь учует берлогу, так стороной обходит. Все знают, что с мишкой шутки плохи. Как говорится, не буди лихо, пока оно тихо!

Однажды ближе к весне, как сейчас, этого зайца занесла туда нечистая. А что? Волков в наших лесах почти не стало, лисы к деревьям зимой жмутся. Тут и у собаки из кормушки можно на пожрать что-нибудь спереть или опять же курочку у Нюрочки ощипать, – всем снова стало смешно, – в сараях можно заночевать и мышей половить. – Вовка сделал паузу, закурил. – Нашёл в той глухомани «заец» осину с молодыми побегами, около Поганого болота её с корнем выворотило. Погрыз он осинки, и так ему хорошо стало, забалдел, одним словом, словно бражки выпил. Осинка в пузе, как на дрожжах, бродить начала, в башку дурь ударила. Ему даже подраться захотелось, но не с кем, он погулял, погулял и к себе в нору, и спать завалился. Проснулся, когда уже солнце встало, и снова к осинке. Погрыз осинки, погулял и в норку... Не жизнь, а малина! Один раз так наелся, что с песнями по лесу бродил, всех птиц распугал. Когда стемнело, пошёл нору свою искать. Искалискал, пока в яму не провалился. Пощупал лапами по сторонам – хорошо, тепло и, главное, мягко. Решил, что теперь здесь жить будет, и быстро уснул.

Утром проснулся, когда солнышко в дыру в крыше светить начало. Сначала ничего не понял, а потом присмотрелся и сообразил, что всю ночь на медведе спал. Обосрался со страху, хорошо шариками, и медведь не почувствовал. Стал прыгать в дыру, в которую провалился, но вылезти не получалось, а медведь себе лапой за ухом почесал. «Заец» ещё раз со страху чуть не обосрался. И тут заметил, что в одном месте снег просвечивает. Стал ковырять всеми четырьмя лапами, проковырял дырочку, вылез и наутёк! Два дня из своей норы не вылезал, думал, что медведь по следам его искать будет. А тот ничего не понял, как дрых, так и продолжал дрыхнуть.

На третий день смельчак вылез из норы, сходил к своей осинке, погрыз, и все страхи куда-то исчезли. «Дай», – думает, – «к берлоге схожу, не ушёл ли медведь, посмотрю?» Подкрался, прислушался. Медведь был дома и похрапывал. «Заец» покрутился около берлоги немного и удалился. Так несколько раз приходил. А один раз осмелел и даже палкой потихонечку в медведя потыкал, медведь не реагировал. А тут как-то переел он своей осинки, совсем осмелел, подошёл к берлоге и давай кричать: «Эй, косолапый, чего развалился? Выходи морду тебе бить буду! Не выходишь, испугался?». И всё в таком духе. Медведь пошевелился, заткнул уши и на зайца не реагировал. На следующий день «заец» разошёлся пуще прежнего: «Эй, косолапый! Выходи морду бить буду! Уши тебе надеру! Зубы твои гнилые тебе повышибаю! Трус несчастный!» Медведю снова пришлось уши затыкать. Пару дней «заец» не приходил, медведь обрадовался, что теперь никто спать не мешает, но рано он радовался. «Заец» снова появился и принялся за старое: «Эй, косолапый, спишь? Просыпайся, морду тебе бить пришёл! Выходи я тебе по яйцам настучу! Я тебе когти повывёргиваю! Твои косолапые лапы в другую сторону выверну! Шкуру сдеру и у себя в норе постелю!» И всё такое. Медведь повернулся на другой бок, уши заткнул и продолжал спать.

– Чувствуя безнаказанность, «заец» до крайности обнаглел. Мало того, что дразнил Мишку, так ещё и заострённой палкой в него стал тыкать. А однажды заявил, что пока тот дрыхнет, он к его медведице в гости ходил. Мол, он ей так понравился, как мужик, что она теперь с ним жить будет. – Вовка поднялся со своего места, отдал самопал Сашке и взял в руки палку, выполняющую роль клюки. – На, поддержи пока.

– А что, там ещё и медведица жила? – поинтересовался Толька.

– Не было там никакой медведицы, это он по пьяни выдумал, как твой отец выдумывает, когда про рыбную ловлю рассказывает, – ответил Вовка и подошёл к костру. Пошевелил головёшки, добавил несколько свежих хворостин и вернулся на своё место. – Стрелять будет Генка. Он помогал пули делать и спичек принёс.

– А я? – спросил Вовка Шапкин – Я тоже спичек принёс!

– Ты будешь следующий! Мало принёс! – отозвался Капранов.

– Отец дома был, он ругается, когда я спички беру, – оправдывался Вовка.

– Конечно, ведь он у тебя пожарник, – захихикал чем-то довольный Славка.

– А как пули делают? – заинтересовался любопытный Толька.

– Тебе зачем? Из рогатки стрелять? – спросил Славка и снова сам засмеялся.

– Хотя бы и из рогатки, они чай прямо летят, не то, что камни или чугунина, – серьёзно ответил Толька. – Они к тому же тяжёлые, ворону подбить можно.

– Можно, – поддержал его Капранов, – Генка расскажет.

– Ген, расскажи, – пользуясь моментом, попросил Толька,

– А чего рассказывать? Проще простого. Ещё летом, когда мы с Вовкой на реке перчатки (кастеты) отливали, он в доске вырезал такие длинные канавки. Мы в них свинец залили. Вовка лил, а я доску держал, чтобы ровно было. Когда свинец застыл, достали их оттуда. Получились такие длинные штучки толщиной с палец примерно. – Генка показал свой указательный палец, сняв с руки рукавицу. – А потом надо отрубить немного от этой штуки. Обстукать её молотком, чтобы она круглая была, померять, войдёт ли в дуло, и катать между двух сковородок.

– А как катать? – не унимался Толька.

– Как катать? – удивился Генка. – Кладёшь шарик в большую сковородку, можно сразу несколько штук, в эту сковородку как бы вставляешь сковородку маленькую и начинаешь катать кругами маленькую сковородку в большой. Так можно картечь и дробь делать.

– А-а-а, – протянул Толька и о чём-то задумался.

– Вовка, а что медведь так и спал до весны? – спросил всё тот же любопытный Толька.

– Нет, потерпел ещё несколько дней, а потом ему надоело зайца слушать. Медведь проснулся пораньше, вылез из берлоги и спрятался за большим деревом. «Заец», как обычно, погрыз осинки, забалдел и, напевая свою любимую песенку, направился к берлоге, подошёл к дыре, через которую сам раньше вылез, встал руки в боки, как Лиза-«Щитоводка», и прокричал: «Эй!» Больше сказать ничего не успел. Медведь хватил его за уши и повернул харей к своей морде. У зайца его косые глаза кругами забегали, как колёса у велосипеда, лапки задёргались, хвост затрясся. Он моментально обосрался и обоссался. «Михаил Иванович», – говорит, – «ей Богу, извиняться пришёл!» – Все смеялись, в том числе и Вовка. – Медведь был добрый. «Ну, извиняйся», – говорит. «Михаил Иваныч», – начал пищать косою, – «прости меня, дурака. Не хотел я тебе морду бить, это я так. А палкой специально небожно тыкал. Про медведицу всё врал, не знаю я никакой медведицы, у меня зайчиха в Карманихе живёт, если её лиса не сожрала. Я на неё, рыжую бестию, хотел пожаловаться, спасу от неё нету, так и норовит зайчат сожрать. Прости, Михаил Иваныч, я больше не буду! А лапы, когти и зубы твои мне очень нравятся, я бы тоже такие хотел. Особенно яйца твои меня восхищают, только тяжеловаты, пожалуй, для меня будут, когда от лисы буду удирать, на поворотах боюсь заносить будет!»

Все смеялись, а Вовка продолжал заряжать самопал.

– Медведь зевнул, вытер зайцем заячьи какашки, подтёр свою задницу и отбросил косою в сторону, предупредил, чтобы больше не появлялся. «Заец» прокатился пять метров по снегу, вскочил и наутёк, а медведь пошёл досыпать.

– Вовка, а он сейчас там? – робко поинтересовался Толька.

– Не знаю, не проверял, если хочешь, сходи, поищи, когда найдёшь, потычь лыжной палкой с гвоздём, если проснётся, привет от зайца передай, ему понравится! – со смехом в голосе и с широкой улыбкой ответил Вовка.

– А если он проснётся? Ну, подумает, что снова «заец» пришёл, и вылезет из берлоги, что делать? – спросил Пашка.

– Что делать? – мгновенно ответил Вовка. – Кричи: «Стой, кто идёт! Пароль!», как тот узбек, про которого Генка Кукуев рассказывал. Если пароль знает, то пропускай, а если не знает, то снова тычь палкой.

Пароль

Всем было смешно, а Пашка стоял задумчивый и соображал, а что же такое «пароль». Колька знал, что это такое, он много книг про войну прочитал, где это слово встречалось, и стал приставать в Вовке, чтобы тот рассказал по узбека.

– Чего рассказывать... – начал Вовка. – Вместе с Генкой Кукуевым в армии служил один узбек. В части были продовольственные склады, ну, где еда всякая хранится, одежда, обувь, эти склады охранять надо от всяких воришек. Часовым назначили этого узбека. Командир его инструктирует: «Не спать, смотреть в оба, останавливать всех, кто приближается к объекту, командой «Стой!» и пропускать только тех, кто знает пароль! Пароль запомни! Кто пароль не знает, стреляй в воздух!» Патроны на всякий случай холостые дали. Что у этого узбека на уме, никто не знает! Наступили сумерки, к складу крадётся переодетый в обычную одежду офицер. Часовой его замечает и кричит:

– Стой! Пароль знаешь?

– Знаю! – отвечает офицер.

– Тогда проходи! – Капранов взмахом руки показал, что можно проходить, и все засмеялись.

– На следующий день устроили разборку, командир ругался, ногами топал, руками размахивал, кулаком грозил, – продолжил Вовка, когда смех прекратился, – часового снова отправляют на пост и инструктируют:

– Что же ты творишь! Подходящий к охраняемому объекту должен сказать пароль, который ты запомнил! Понял?

– Конечно, понял, – ответил узбек, – как не понять?

В сумерках та же история. Крадётся переодетый офицер, часовой его замечает и окликает:

– Стой! Скажи пароль!

– Пароль! – отвечает офицер.

– Прходи! – Вовка снова сделал красноречивый жест рукой, и все залились смехом.

Тем временем наступил момент проводить очередное испытание самопала. Генка встал на исходный рубеж и, как настоящий ковбой, вытянул правую руку с оружием вперёд, направил самопал на ствол дерева и, как учил Вовка, провёл спичечным коробком по спичечным головкам, стараясь удержать самопал в нужном направлении. Раздалось шипение горящих спичек, и через мгновение из отверстия для запала вырвался маленький огненный фонтанчик. Генка закрыл глаза одновременно со звуком выстрела. Рука с самопалом дёрнулась, сам Гена немного покачнулся. По лесу раздалось громкое эхо. Генка повернулся в сторону ребят и в глазах многих увидел зависть, а может, ему это показалось. Он первый направился к ольхе, на которой почти рядом со следом от предыдущей пули виднелось новое отверстие. Генка отдал оружие Вовке и подошёл к костру.

– Вовка, дай поддержать! – подойдя к Капранову, попросил его тёзка, тоже Вовка по прозвищу «Котик». Он сам тайком от родителей делал новый самопал и хотел позаимствовать идею. Вовка отдал самопал в протянутую руку, а сам принялся разгребать костёр, готовя место для картошки. Неожиданно между облаков появилось солнце. Детские лица повернулись в его сторону и, прикрыв глаза, наслаждались его тёплыми лучами. Витька сел на осину и, достав из кармана табак и тетрадный лист, принялся делать «козью ножку», но у него это не очень получалось. Держать в ладони махорку и крутить лист бумаги, было неудобно.

– Дай сюда! – скомандовал Вовка и, отобрав бумагу, бросил её в костёр.

Пошарив по карманам, Капранов достал аккуратно сложенный газетный лист. Он был сложен так, чтобы можно было отрывать прямоугольный лоскут, соответствующий размеру

самокрутки. Оторвав, Вовка подставил его Витьке, чтобы тот высыпал табак. Через несколько секунд в руках у него была плотно скрученная, как фабричная папироса, самокрутка, склеенная слюной с языка. Он достал из костра головёшку, прикурил и несколько раз затянулся табачным дымом.

– На, «Встос» недоделанный, учись, пока я жив!

Витька аккуратно взял папиросу и не очень глубоко затянулся. В очередь покурить встал ещё один Витька, а также Серёга и Пашка.

И снова погоня

Капранов заложил в костёр картошку, засыпал её сверху углями, положил несколько головёшек и сел на привычное место. Руки его снова заработали, как автомат, совершая отработанные временем движения, Сашка еле успевал подавать спички.

– Вовка, а что лиса-то, зайца догнала? – робко спросил Толька.

– Какая лиса? – не сразу понял Вовка.

– Ну, ты говорил, что от Точки он побежал за деревней, а лиса за ним, – напомнил Толька.

– А, ну да, по «заусальбам», по «Сальтискому» ручью, там трава высокая. Косой несётся, только уши сверкают, – не отвлекаясь от заряжания самопала, начал Вовка, – лиса по ушам-то и видит его. Добежал он до реки, а дальше куда? В воду не хочется, да лиса и плавает не хуже него. Делать нечего, понёсся по берегу, вот здесь, только по той стороне. – Вовка кивнул в сторону реки. – А «заец», как я уже говорил, бегаёт по кругу. Перемахнул он через Работку и к Круче, откуда всё и началось. А там почти у самой реки ольха стоит, такая двойная, там, где трамплин. Она, может быть, и сейчас стоит, если её Коля Шапкин на дрова не спилил, он любит там готовить. Нарубит топором «карандашей» и везёт продавать «возишко» за три рубля то Настёнке Ненилиной, то Зинухе Мухиной, то Насте Вавиловой. А дрова кривые, суковатые и все кручёные. Колоть невозможно, одни клинья. Зайцу сворачивать некуда, он между стволов и дальше! Лиса вслед за ним. Прыгнула, но с устатку невысоко получилось и повисла между стволов. Косой видит, что лисы сзади нет, решил посмотреть, уж не случилось ли с ней чего. Вернулся, а она висит между стволов, ногами дрыгает, а выбраться не может. Заяц обошёл вокруг, посмотрел. Хороша девка! Глазки блестят, ушки торчат, не то, что у его зайчихи. Шёрстка гладкая, ножки длинные, талия узкая, голосок тоненький, хвост пушистый. Стала лиса зайца уговаривать, чтобы вытащил её. Обещала, что гоняться за ним больше не будет, зайчат не тронет и вообще в другой лес уйдёт. Зайцу, конечно, жалко лису, но и отпустить её просто так за все её проделки он не может.

– Лиса, а может, мне на тебе жениться? – говорит. Подошёл сзади, хвост поднял, когтём своим вокруг «женилки» водит и приговаривает, – Хочу женюсь – хочу не женюсь, хочу женюсь – хочу не женюсь... Лиса, а может, мне своих друзей позвать, и мы все на тебе по очереди жениться будем? – Лиса как представила, что с ней будет, если он всю свою шоблу приведёт, взмолилась пуще прежнего и даже прослезилась:

– «Заец», – говорит, – у тебя совсем совести нет! – А тот отвечает, что там, где у него была совесть, там кое-что выросло, и сейчас она в этом убедится. Он подумал, что в этом деле друзья действительно ему не нужны и сам, как следует, с лисой развлёкся. Отодрал несколько раз подряд. Когда совсем обессилел, сказал ей, что она ему очень понравилась, и он, можно сказать, в неё влюбился. А пока пойдёт капусточки поест, отдохнёт и снова вернётся для продолжения медового месяца, и она тем временем тоже пусть отдохнёт. Он бы её с собой взял, но она траву не ест, ей мышшей, да зайчат подавай! Лиса, бедная, чуть не плачет, но и причитать перестала.

– Вовка, врешь ты всё, – попятившись назад, сказал Колька, – не верю я тебе, не может заяц с лисой разговаривать. Они только в сказках разговаривать умеют – я читал.

– Кто ещё не верит? Кто не верит, тот больше сюда не придёт! – резко отреагировал Вовка. Все молчали, только Вовка Котик и Серёга признались, что верят каждому слову.

– Кто не верит, может у Лёхи Гуся спросить, мы с ним тогда в низах пасли. Это он её из ольхи вытащил. Хотел убить сначала и ободрать, но передумал. мех летом плохой, разве что выбросить. Он, правда, из Юрьева уехал, но если что, то расскажет. Он ещё говорил, что она несколько раз на то место приходила, всё вокруг ольхи ходила, зайца ждала, видимо, понравилась...

– А чего могло ей понравиться? Чуть совсем не пропала, – возразил Славка. – Может, отомстить хотела.

– Не скажи... – снова начал Вовка. – А рассказать вам, как Мишуху Бочина, коль о нём вспомнили, в партию принимали?

– Расскажи! – раздалось несколько голосов.

Коммунист

– Мишуху Бочина все знаете. Он мне сам рассказывал, когда пасли вместе. Много лет пасёт, падежа ни разу не было, надои молока на уровне, жирность тоже, фронтовик, по деревне не скандалит. Вот Шаханов и решил его, как передовика, в партию для плана выдвинуть. Написали ему хорошую биографию и в райком отправили. Там почитали, кандидатуру одобрили и вызвали в район, как положено, на беседу.

Он, как учили, взял с собой кнут с кожаной репицей покрасивее, трубу за спину повесил, надел новые валенки с «галошами», пальто с воротником, уже прохладно было. Медали из сундука достал и на пиджак прицепил. Ну, и сумку через плечо – положил туда всякое, чтобы пожрать. Ни жене, ни детям не сказал, зачем едет. По делам и всё. А то вдруг не примут – позор. Забрался в кузов, там ещё люди были, и поехали. По дороге ни грамма! Там, в кузове, ему вопросы задают, мол, не страшно ли. Всё-таки комиссия, люди культурные, при галстуках. Мишуха хотя и волновался, но отвечал, что на фронте в атаку на фашистов в полный рост ходил, не боялся, а тут бояться некого.

Доехали нормально. Вызывают его в кабинет, там несколько человек сидят за столом под красным сукном, и точно – при галстуках! Мишуха сначала хотел им честь отдать, но видит, что с погонами там нет никого, передумал. Начали ему глупые вопросы задавать, уму-разуму учить.

– Во-первых, – говорят, – Вы должны бросить курить! Подавать хороший пример молодому поколению, пионерам, значит. И окружающим от Вашего дыма вредно, нехорошо это для здоровья. – Учужали, что от него табачком пахнет.

– А во стаде можно? – спросил Мишуха, коровы, мол, не обижаются, они ко всему привычные.

– Во стаде, – говорят, – можно, но нечасто. Вредно всё-таки.

Он согласился.

– Во-вторых, – говорят, – Вы должны перестать водку пить! Опять же вредно и пример для комсомольцев нехороший.

– А по праздникам можно? – удивился Мишуха. Ему сказали, что у пастуха праздников не бывает, пастух каждый день на работе. – А зимой? – недоумевал Мишуха.

– Зимой по большим праздникам можно, – отвечают, – но при хорошей закуске и не более стакана без ободка или бутылку на троих. На Новый год, например, на День Советской армии. Но на Пасху ни-ни, и пальчиком погрозили.

– А на праздник Бориса и Глеба? – не сдавался Мишуха, – гости приедут...

– Не желательно, – говорят, – но коли гости приедут, то малость можно, чтобы традицию не нарушать.

– А на фронте с нами даже политрук выпивал, – начал было Мишуха, но его оборвали и сказали, чтобы мирную жизнь с войной не смешивал.

– Буду стараться! – кое-как согласился Мишуха.

– В-третьих, – говорят, – Вы должны во всём показывать пример культурного поведения: матом не ругаться, по сторонам не плевать, семечки в общественных местах не грызть.

– А во стаде можно? – снова спросил кандидат в члены партии.

– И во стаде нельзя, – говорят, – коровы тоже люди!

Мишуха про себя удивился, как это во стаде не ругаться? А как подпаску объяснить, куда бежать и что делать? Без мата никак! Да и коровы слушаться перестанут, но спорить не стал. Лишь спросил можно ли на трубе играть.

– В-четвёртых, – говорят, – надо перестать волочиться за женщинами: доярок не щупать, на чужих баб не заглядываться. Нехорошо это, не по-советски! Женатый всё-таки – в анкете написано.

Мишуха пытался возразить, мол, своя баба хорошо, но чужая-то лучше, мол, сами знаете. С ним согласились, что чужая лучше, но сказали, что всё равно нельзя. Мишуха почесал лысину, призадумался, чего-то там для себя решил, но тоже согласился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.